

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 35

1974

Лариса ЛАТЫНИНА

КАК ЗОВУТ
ЭТУ ДЕВОЧКУ?

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
М О С К В А

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 35

Лариса ЛАТЫНИНА

КАК ЗОВУТ ЭТУ ДЕВОЧКУ?

Издательство «ПРАВДА»
Москва, 1974

Лариса ЛАТЫНИНА

Лариса Семеновна Латынина родилась в 1934 году в Херсоне. В 1943 году в великой Сталинградской битве погиб ее отец. Нелегкие годы фашистской оккупации выпали на долю матери Ларисы и самой девочки.

В первые послевоенные годы школьница из Херсона увлеклась балетом, а затем шагнула в спорт. Михаил Афанасьевич Сотниченко, прекрасный тренер-воспитатель, распахнул перед ней двери в новый для нее прекрасный мир гимнастики.

В 1953 году Лариса Латынина переехала в Киев и начала тренироваться под руководством заслуженного тренера СССР Александра Семеновича Мишакова. Спорт настолько захватил ее, что она перешла из Политехнического института в Институт физической культуры. В составе сборной команды СССР Латынина в 1954 году стала чемпионкой мира по гимнастике. В 1956 году она выиграла звание абсолютной чемпионки XVI Олимпийских игр в Мельбурне. В 1958 году в Москве стала абсолютной чемпионкой мира.

Одна победа сменяется другой. В 1960 году Лариса Латынина завоевала золотую медаль абсолютной чемпионки на XVII Олимпийских играх в Риме, а в 1962 году отстояла титул лучшей гимнастки мира на чемпионате в Праге.

В 1964 году Лариса Латынина в третий раз выступила на Олимпийских играх, на сей раз в Токио, и снова завоевала золотые медали. За годы выступлений в составе сборной команды СССР заслуженный мастер спорта Лариса Латынина была награждена девятью золотыми олимпийскими медалями, восемью золотыми медалями чемпионатов мира. Одиннадцать раз Латынина добивалась победы на чемпионатах страны.

В 1967 году она была назначена старшим тренером женской команды СССР по гимнастике, под ее руководством команда добивалась побед на XIX и XX Олимпийских играх в Мехико и Мюнхене, на первенстве мира в Любляне.

Первая книга Ларисы Латыниной «Солнечная молодость» (на украинском языке) вышла в 1957 году. В 1970 году издательство «Молодая гвардия» выпустило ее книгу «Равновесие». Л. Латынина печаталась на страницах журнала «Огонек», «Знамя», «Театр», «Физкультура и спорт», «Спортивная жизнь России».

Лариса Латынина награждена орденом Ленина и тремя орденами «Знак Почета».

КАК ЗОВУТ ЭТУ ДЕВОЧКУ?

(Маленькая повесть о большой команде)

I

Мюнхен, 26 августа семьдесят второго года

Уже несколько дней, как я рассталась с гостиницей «Людвигсхайм». Кельи-номера в этом бывшем монастыре, распятия на стенах, библии в тумбочках, горящие свечи в коридорах, может быть, подходят членам конгресса Международной федерации гимнастики, а мне надо быть вместе с девочками. Вот я и в олимпийской деревне. Девочки уже легли. Спят ли? Завтра мы начинаем. Лина Астахова выведет их на помост, я же останусь в зале, на трибуне. А сейчас, ночью, я возвращаюсь в прошлое: сюда же, в ФРГ, на шесть лет назад. Зачем? Хочется вспомнить свое время в гимнастике? Нет. Сейчас действует другая связь времени.

Только Лина Астахова была со мною в Дортмунде в шестьдесят шестом. Люде Турищевой и Эле Саади в те дни было без чего-то четырнадцать лет, Любе Бурде — тринадцать, Тамаре Лазакович — двенадцать, Оле Корбут и Тоне Кошель — по одинадцати, а наша запасная, которая смотрит на все, приподнявшись на цыпочки и сияя улыбкой, яркой, как солнце в ее родном Тбилиси, Нина Дронова в тот год вошла впервые в спортивный зал.

А я вспоминаю о Дортмунде и многом другом, что предшествовало XX Олимпиаде.

Итак, шестьдесят шестой. Вестфаленхалле. В тот день наша команда впервые проиграла первенство мира... Впервые. Жесткое правило спорта: непобедимых команд не бывает.

Команды — многократные триумфаторы рождают мифы о своей непобедимости. И мифы живут. Но приходит время — проигрывают прославленные команды. Японские волейболистки. Канадские хоккеисты. Американские баскетболисты.

Можно сознаться: побежденные иногда плачут. Но не в этом суть. Говорят, побежденные должны молчать до поры до времени, как молчат зерна, брошенные в землю. Но приходит весна, и ростки пробиваются и зеленеют.

Да, мы проиграли. Пусть ничтожно мало, тридцать восемь тысячных балла. Позже, вспоминая этот жестокий урок, я находила множество разных причин, которые привели к поражению. Однако все они были похожи на оправдание. В спорте нашего времени часто решают ничтожно малые доли. Так случилось и в Дортмунде. И победа девушек из Чехословакии была справедлива. Главная причина — наша команда стала слабее команд своих предшественниц.

Семь раз подряд мы выигрывали до этого командное первенство на Олимпийских играх и первенствах мира. И вот восьмое выступление обернулось поражением. А вдруг это только первое в цепи «тощих лет»? Мучительный вопрос. И не найдешь ответа, не поняв, почему наша команда стала слабее.

По должности в сентябре шестьдесят шестого, может быть, не должна я была задавать эти вопросы и искать ответы. В Дортмунде я выступала в последний раз и знала: без шансов на успех. С временем трудно бороться. В спорте оно бывает подвластным тебе недолго — в минуты победы да в часы после победы. А потом оно становится жестоким, несговорчивым противником, затем свирепым врагом.

Я решила выступать в Дортмунде, зная, что без Лины и меня команда будет слабее. И вот и с нами она оказалась недостаточно сильной. Побежденные должны молчать? А мы с Линой беседуем, разглядывая цветы, которые нам подарили в преддверии победы. Махровые гвоздики еще не увяли, а мы проиграли. Мы выходим на балкон и смотрим на освещенные контуры двухсотдвадцатиметрового большого Флориана. Огоньки на вращающейся площадке телебашни подмигивают успокаивающе: это пройдет. Когда? Сегодня не утешают ни гвоздики, ни еще зеленые деревца в парке, ни эти огоньки. «Вся природа побежденному человеку — поле, где была проиграна битва», — писал Михаил Пришвин. Знаю, многие цитируют и другое: спорт учит не только достойно выигрывать, но и достойно проигрывать. Верно! Только первая часть изречения приятна, вторая — горька. Слова «горечь поражения», может, и стерлись от частого употребления, однако каждому проигравшему хватает горечи. Какой он, этот привкус поражения, — хинный, полынный или какой-то третий, вы все равно долго его будете ощущать. А надо избавляться от него как можно быстрее.

Итак, мы беседуем. Сначала о той команде, в которую я пришла в пятьдесят третьем, а Лина в пятьдесят пятом.

— Лина, помнишь, как мило Джугели встретила нас в Сухуми?

— Нет, Лора, это было до меня.

— Да, когда ты пришла, Галя Шамрай, Соня Муратова, Тамара Манина и я уже считали себя многоопытными. Потом, перед Мельбурном, Галка Шамрай получила травму. А мы все равно победили в Австралии.

— А затем в Москве,— напоминает Лина.

— И в Риме, в шестидесятом. Четырнадцать медалей из пятнадцати!

— И после Рима — успех в Праге,— продолжаю я победный перечень.

— Да, но тогда же, в шестьдесят втором, закончила выступать Лида Иванова, а в шестьдесят четвертом, перед самым Токио, Соня Муратова стала запасной,— вспоминает Лина.

— А после Токио ушли Тамара Манина и Тома Люхина,— напоминаю я.

— Так и не стало чудо-команды,— вздыхает Астахова,— и выходит, Лора, что не смогли мы передать девочкам свое наследство.

— Да, это так, Лина,— соглашаюсь я,— но уж очень недавно встретились мы с этими девочками.

— Ты считаешь, что команды не получилось?

— Нет, команда есть, но не хватало ей чего-то. Даже не верится, что это случилось.

— Не верится. Но проигрывают же ребята японцам.

— Ребята... ребята... Они тоже должны выиграть, а уж мы-то давно.

— Ты говоришь, Лора, «мы», но ты уходишь...

— Ухожу. А команда должна быть. Ты посмотри, какие хорошие девочки.

— Очень хорошие. Только им многому надо учиться,— напоминает мне Астахова.

Вот такой разговор, без решения, и обещаний, и, пожалуй, без ясных планов, состоялся у нас шесть лет назад в Дортмунде. А через несколько месяцев меня назначили старшим тренером женской сборной команды СССР.

* * *

...Я вхожу в комнату девочек. Мне кажется, я знаю, какой цветной туман опутал сейчас каждую из них. Наверное, это уже тренерская самоуверенность. И все же теперь для того, чтобы

знать, есть кое-какие основания. А в первые дни моей тренерской деятельности?

Я пробовала комментировать личные тренировочные планы гимнасток. Рассказывала о деталях. Однажды меня спросили: — Какая твоя основная концепция в тренерской работе?

Я молчала. На ум приходили только общие слова из учебника педагогики для физкультурных вузов. Уже после Мехико, когда я получила право говорить о команде-победительнице, я процитировала Михаила Светлова: «...Нужен... талант. Затем нужна... любовь, из которой рождается ненависть к нашим противникам твоей любви. Затем нужно мастерство. Затем нужно сохранять в себе состояние всегдашней работы». Я знаю, что эти слова Михаила Аркадьевича — о поэзии, но ведь подлинная гимнастика — тоже поэтический труд. Поэзия движений, как и всякая поэзия, многое может открыть в человеке.

И еще одно, самое главное и сокровенное. Каждый из нас в сборной знает, что вместе с другими он хоть чуточку да причастен к красоте, и силе, и славе нашей страны. Мы не так часто об этом говорим. Счастьем не хвелятся. А ведь это счастье, когда ты хоть немного можешь отдать Родине, которая тебе так много дала.

...Девочки спят. И тихо лежит Лина. Спит, не спит — не узнаешь. После того разговора в Дортмунде она еще больше года выступала за сборную, и это помогало и мне и другим тренерам. Когда Лина Астахова улыбалась девочкам, они не видели в этой улыбке ни капли снисходительности. Когда они поверяли ей нехитрые свои огорчения, она искренне горевала вместе с ними. Хорошо, что в семьдесят втором она вернулась в команду выводящим тренером. Тогда мы решали задачу со многими неизвестными: впервые в сборной команде страны появились гимнастки-школьницы, а молодой лидер команды неожиданно быстро закончил свои выступления.

Хорошо помню первый разговор о Наташе Кучинской. Зимой шестидесят пятого года, когда пятнадцатилетняя Лариса Петрик уже выиграла чемпионат СССР.

— Почему не привлекаете ее к тренировкам сборной? — спросили одного специалиста.

— Планируем, — ответил специалист. — Правда, перспектив у нее немного. Склонна к полноте. Да и характер...

Задавал вопрос неспециалист в гимнастике, а отвечал знаток. Бывает и так в спорте, и я еще не успела по праву ветерана вступить в разговор и поддержать кандидатуру молоденькой гимнастки, как неспециалист решил:

— Хватит планировать на бумаге. Вызывайте Кучинскую.

И Кучинская, «перспектив у которой немного», в том же году стала абсолютной чемпионкой страны, потом повторила этот

успех еще трижды, а в шестьдесят шестом завоевала три золотые медали на чемпионате мира, заняла второе место в многоборье.

Мы полюбили Наташу!.. Наташу нельзя было не любить. Видно было «душу живу» в каждом ее выступлении. И долго я не могла привыкнуть к контрасту: наверху, на помосте, — зрелый мастер, а внизу — маленькая девочка.

...Показательные выступления в Канаде проходили с громадным успехом. Во время одного из прямых репортажей по телевидению на Канаду и США бойкий молодой человек подскочил к Кучинской и спросил, нравится ли ей Канада.

— Хорошая страна, отличные люди.

— Вы готовы жить здесь?

Наташа посмотрела на «телебоя» и покачала головой.

— Для каждого человека лучшая страна — родина. Я бы вам не предложила жить у нас, хотя лучшей страны нет.

Однажды, в шестьдесят седьмом, запоздалой весной, в Румынии перед отбоем она декламировала Есенина:

И теперь вот, когда поостыла
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Она хотела решительно махнуть рукой в знак обладания этой дерзкой силой, но жеста решительного не вышло. И голос ее дрожал. Другое серебро звучало в нем и в ее гимнастике.

...Наташка не приходит на тренировку. Ждем. Соня Муратова, наш хореограф Галина Владимировна Саварина, повторяем и в уме и вслух: что же могло случиться?

Так и не пришла. Почему? Новые вольные решили ставить на музыку Равеля. И она решила прослушать «Болеро» столько, сколько нужно, чтобы «самой представить себе все, все».

Одухотворенность Кучинской, может быть, послужила истоком для легенды: вначале в гимнастике все давалось ей легко, а когда пришлось трудиться, она убоялась и ушла. Нет, легко ей ничего не давалось, и труда Наташа не боялась. В этом плане лидер являл всей команде лучший пример. Тридцать восемь комбинаций в день — ее нагрузка перед Мехико. В два раза больше, чем у меня перед Токио!..

Когда я получала ее письма или открыточки, каждое слово в них было искренним. Так она говорила и с близкими и с подругами по команде. Но вот пришли дни, когда голос ее стал дрожать, к его серебру примешалось что-то чуждое.

Обычно винят славу. Слов нет, через это испытание не так уж легко пройти. Выходит фильм «Натали», докучают ей пись-

ма и телефонные звонки. Спортивная слава порою на спринтерской скорости опережает героев. Славой знаменитые спортсмены неизбежно болеют, как дети корью. Самое опасное осложнение — стремление превратить славу в пожизненную ренту. Такого стремления у Кучинской никогда не было.

Однако есть осложнения хоть и не столь опасные, но неприятные: жажда шума. Такой шум начал нарастать вокруг имени Наташи Кучинской еще перед Мехико. В чем тут было дело? Может быть, в удачных выступлениях Наташи на мексиканской земле в шестьдесят шестом и шестьдесят седьмом годах? Может быть, на мексиканцев как-то особенно действовала ее улыбка, флюиды ее обаяния? До сих пор не знаю. Одно скажу: роль «невесты Мексики», навязанная ей, оказалась уж очень трудной перед ответственными соревнованиями. Яркий лидер, она притягивала людей. А нас волновали соревнования.

Сильная команда выдвигает сильного лидера, а он придает особую окраску выступлениям всего коллектива. Пожалуй, в Мехико мы располагали именно таким сочетанием. И мы выиграли тогда, в Мехико. Мы победили с преимуществом в балл с небольшим. И не только это доказывало, что команда сильна. Второе место Зины Ворониной в многоборье, золотая медаль Ларисы Петрик в вольных. А лидер? Наташа сорвалась на брусьях, и потеряла балл, и все же заняла третье место в многоборье, и выиграла золотую медаль на бревне.

Первая победа после Дортмунда и последнее выступление Наташи Кучинской в большой гимнастике. Она заболела, и мы остались без лидера. Горше, но правильнее сказать: потеряли лидера. И если уж слово «горше» сказано, надо говорить не только о болезни. Теперь мы признаем: Наташе не очень повезло с тренерами.

Знаю, эти строчки вызовут у них обиду. И вопрос: «А не вернее ли, что нам не повезло с ней?» Когда у Кучинской возник первый конфликт с тренером, когда я услышала, что Наташа грубит, то попросту удивилась. Конечно, спортсмены не ангелы. Вне зависимости от того, применяют ли они силовые приемы или исполнены их движения грации и нежности. Но Наташка, о ее любовью к стихам, цветам и к «братьям нашим меньшим» — лошадям, собакам, котяткам?..

Тренеры... Они многому научили девочку в гимнастике. А в жизни? Проглядели тот момент, когда Наташа, отвечая на вопрос — вы счастливы? — задумалась и произнесла:

— Была счастлива, а теперь нет.

Всю жизнь тренеры не могут отвечать за судьбу спортсмена. Верно. Но бывают моменты, когда многое в их руках. Не смогли увидеть вовремя надлом. Вина тренеров? Наверное, беда. И

моя в том числе. В марте шестьдесят девятого Наташе исполнилось двадцать лет. Синеватым весенним вечером в первый раз праздновали ее день рождения, как у взрослой. И хоть застолье было небольшим и нешумным, она стеснялась и только тогда, когда слышала что-то о своем будущем, вскидывала глаза.

— Понимаете, мне очень хотелось бы еще несколько лет пожить в такой обстановке, чтобы все любили меня и все мне прощали. Это детское желание. Правда? А детство уже окончательно ушло,— сказала Наташа печально.

В тот день она не прощалась с гимнастикой. Летом того же года она писала мне: «Милая Лариса Семеновна... вхожу в форму. Хочется подготовиться к первенству Союза, учить новое. Тренироваться я буду по новой системе «маятника», я потом вам расскажу, Лариса Семеновна, что это такое».

Мы все ждали в зале Наташу. И не дождались. Был разговор в Ленинграде, когда она сказала мне: «Теперь все будет хорошо». А потом Наташа посмотрела соревнования и сказала: «Я не боюсь быть не первой. Но дальше что? Кому это нужно?» И она не стала выступать. Лидером пришла Наташа в команду, лидером ушла.

...Спят девочки. Команда наша через четыре года после Мехико окрепла. Семь девочек из семи городов России, Белоруссии, Узбекистана, Грузии. Завтра они наденут костюмы с буквами СССР. И с ними будет восьмая, с Украины, Лина Астахова. Она выведет на помост сборную команду Советского Союза.

Должны мы победить в Мюнхене? Должны! В семьдесят первом году в Нью-Йорке делегацию советских гимнастов принимали в Олимпийском комитете США. Секретарь-казначей Комитета, пожимая нам руки, сказал:

— По-моему, мы занимаемся лучшей политикой в мире — спортом. Сколько угодно международных сражений и никаких потерь!

Я, разумеется, согласилась.

Американский переводчик сообщил мне:

— У этого человека фамильное, наследственное право рассуждать о политике: ведь он внук президента Рузвельта.

— У меня тоже фамильное, наследственное право судить о политике,— ответила я,— мой отец погиб, защищая Сталинград...

Девочки спят. Цветной туман наших снов о Родине. В нем голубые переливы родного Днепра у Херсона, и шелест степного ковыля под Воронежом, и багрянец Витебских лесов, и зеленые фуражки пограничников неподалеку от Гродно. В этих

городах — Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Ташкенте, Грозном и в сотнях других — да только ли в городах? — будут следить за нашим выступлением.

Завтра бой, который мы должны выиграть.

II

27 августа, несколько часов до нашего старта

Все 120 участниц соревнований разбиты на пять потоков — два утренних и три вечерних. Девятнадцать команд. Сильные, послабее и слабые. Впрочем, все эти градации очень относительны. Нам ясно одно: основные наши соперницы — гимнастки Германской Демократической Республики. Так сложилась ситуация в последние годы. Если вспомнить, и раньше спор за золотые медали всегда вели две команды. В пятьдесят четвертом и через два года, в Мельбурне, мы вели спор с венгерскими девушками. С пятьдесят восьмого начался десятилетний спор с чехословацкими гимнастками, а два года назад в Любляне в борьбу за золотые медали вступила команда ГДР...

Вновь я возвращаюсь в прошлое. Первенство мира в Любляне. Перед поездкой в Югославию мы собрались на Черноморском побережье. Оля Корбут прилетела в Адлер с опозданием. Доставить ее в Леселидзе попросили человека, не имеющего отношения к гимнастике. Может быть, он не очень хорошо представлял себе возраст Корбут, а может быть, галантность входила в его принципы, но так или иначе Оля появилась в гимнастическом зале, размахивая маленьким чемоданчиком и большим букетом цветов. Прибежала ко мне с письмом от своего тренера Ренальда Ивановича Кныша и цветами. Я прочитала «строгое» письмо и сказала:

— Цветы надо поставить в воду. И можешь сходить посмотреть море.

— В море я уже искупалась и свои цветы поставила, а это ваши, Лариса Семеновна.

— Ведь подарили цветы тебе?

— Да. Но разве я не могу подарить кому хочу?

С Ольгой все ясно: она готовится к Любляне как первая запасная — седьмая в команде. В контрольных соревнованиях разыгрывалось место восьмой в команде — второй запасной. За последний билет в Любляну спорило три: Эля Саади, Таня Щеголькова, Русико Сихарулидзе. Три девочки жили в одной комнате и крепко дружили. Когда Сихарулидзе выиграла соревнование, Таня и Эля подбежали к ней, обняли, поздравили. А че-

рез час я нашла победительницу на берегу моря плачущей во всю мочь.

— Ты что, Русикоша?

— Ничего. Просто так, Лариса Семеновна.

— Нет, просто так, дорогая, таких слез не проливают.

— Мне девочек жалко, Таню и Элю. Я поеду, а они останутся.

— А девочки что говорят?

— Они меня утешают,— всхлипнула победительница.

И все же запасные — это не такая уж сложная проблема. Но приходит день, когда надо расставить по местам шесть основных участниц. Жесток в этом отношении наш прекрасный вид спорта. В гимнастике лидеры выступают последними, и давно известно, что к ним судьи щедрее. Сколько бы ни было разговоров о равных шансах всех в команде, приходится проставить порядковые номера выступлений в каждом виде гимнастического многоборья. Вот они, цифры, от первой до шестой. Сложите их — и обладательница наибольшей суммы — это и есть лидер команды, по оценке тренеров. А чем меньше сумма, тем больший «огонь на себя» вызовет гимнастка.

Дебютантка Тамара Лазакович получила сумму 4. Пожалуй, на другую она и не могла тогда рассчитывать. Но вслед за ней уготовано выступать олимпийской чемпионке Ларисе Петрик, и здесь же, в первом эшелоне, чемпионка Европы шестьдесят девятого года Оля Карасева. Конечно, это — богатство команды, когда такие гимнастки экстра-класса начинают первыми. Но легко ли им самим от такого изобилия талантов?

Цифры, количественные показатели, столь милые исследователям спорта. Вроде они отвечают на вопрос «кто есть кто?» в гимнастике. Нет, отвечают люди, а их расставлять в команде очень трудно, хоть старшей из них двадцать три года, а младшей — шестнадцать. Названы порядковые номера, и наступает трудный день, когда «я хочу», «я не могу» сталкиваются с императивным «ты должна». Ох, как это нелегко!

Лариса Петрик молчит, сидит на берегу моря, бросает камешки, смотрит на расходящиеся круги. Все уже сказано, и ответ получен:

— Ты капитан команды, Лора, покажи пример.

А Оля Карасева? Она как будто восприняла все как нужно. Кого же ей ругать? Судьбу? Только себя! Сорвалась два раза — и на первенстве и на Кубке. Сама же сорвалась. И лидеры не безгрешны. Им «авансировали» преимущество. И Зина Воронина, и Люба Бурда, и Люда Турищева понимают: надо оправдывать доверие в Любляне. Зина вскоре после рождения сына на-

чала тренироваться и, как всегда, легко и непринужденно. К обычным разговорам о доме добавились рассказы о Димке.

Димка растет не по дням, а по часам, и Зина также быстро подходит к пику формы. А Люба и Людя? Вот кто получил наибольшие стартовые суммы — 19 и 20. А ведь два года назад в Мехико они начинали. Перед этим первенством Люба Бурда и Людя Турищева — сильнейшие в стране. Вынесут ли они груз лидерства?

Да, это не всем ясно. После Мехико лишь одного человека не стало в нашей команде. Непосвященный скажет: выбыла одна гимнастка — заменили другой, ну, переставили кой-кого местами. И что же, команда та же? Нет! Новая команда. Признанного всеми лидера нет, заслуги и силы многих равны. Всем неспокойно. В том числе и тренерам. Здесь, дома, вроде роздали «всем сестрам по серьгам», а что получим в Любляне? Несколько лидеров — много риска.

Все это мы обсуждаем в Леселидзе, хотя все хорошо знают, что ответ на вопрос, удалось ли сформировать настоящую команду, выдержит ли молодежь, будет получен только на чемпионате.

* * *

Любляна. В последние часы перед стартами в респектабельных стенах «Салона» царит небывалое оживление. Коричневые панели под дуб, и серые ковры, и тихие голоса диссонируют с оживленными группами гимнасток. Вестибюль отеля — темная рама, обрамляющая картину, полную ярких красок молодости, трепетного ожидания.

Начинается наш спор с немецкими девушками, которые еще совсем недавно гостили у нас в Леселидзе. Критический момент первого дня — первый подход Тамары Лазакович к бревну. Журналисты комментировали эти минуты так: «Нервы у советских гимнасток отнюдь не железные. Выступление на бревне чуть не закончилось катастрофой. Шестнадцатилетняя Лазакович, которая дебютировала на чемпионате мира, допустила два падения, что вывело из равновесия всех ее подруг».

Да, команду изрядно зашатало тогда на бревне. Почему Тамара упала? Почему именно в равновесии действует цепная реакция неудач, из-за которой наша команда после первого дня на втором месте да и преимущество Людэ Турищевой в личном зачете невелико?

Первые ответы тренеров просты и категоричны: мы зря заставляли гимнасток двигаться «на носочках». Нас не было ря-

дом — и это самая крупная ошибка. Нельзя было везде ставить Лазакovich первой.

Эти первые ответы не содержали главного ответа: что делать, чтобы команду не лихорадило на следующий день. И потом, как успокоиться самим?

Писать о бессонной ночи тренеров, пожалуй, не принято, как и о предстартовой лихорадке спортсменов. Все это тривиально. Но тривиальные эти явления существуют и будут существовать вечно, как и спорт. Ночью в номере сидят двое — Викентий Дмитриев и Владислав Растороцкий. Ученица первого потеряла все шансы на личный успех, ученица второго имеет все шансы стать чемпионкой мира. И... первый тренер успокаивает второго:

— Ты, Слава, не волнуйся. Люда выступит во второй день как надо.

— Знаешь, Викентий, у меня были три талантливые девочки в группе. Про одну я говорил: «Будет чемпионкой страны». О другой: «Ее место в сборной». А про третью: «Из нее тоже что-нибудь да получится». Вот третья-то и была Люда Турищева.

— Получится, Слава! Все получится!

Нравятся мне их отношения. Внешне они люди полярно противоположные. Невозмутимый, даже флегматичный Дмитриев, с тихим голосом и таким же смехом, и порывистый, экспансивный, громкоголосый Растороцкий. Лед и пламень? По сути, вряд ли. Но поддерживать и дополнять друг друга они здорово умеют. Так было и в Леселидзе и в Любляне. И в 1971 году в Минске, на Кубке Европы, когда их ученицы, соперничая, поделили все золотые награды поровну...

Когда я твердо поверила в победу команды? Тогда, когда увидела лица наших тренеров перед вторым днем соревнований. Они смотрели на помост в «Хала-Тиволи» уверенно и твердо, как хозяева положения.

— Ничего не произошло, — так сказали мы девочкам. — Просто перед произвольной программой у нас на одну десятую меньше. Может любая из вас отыграть эту одну десятую.

Все молчали, но мы знали, каждая про себя твердит: «Да, я могу». А личное первенство? Карин Янц или Люда Турищева? В Ландскруне верх одержала Янц. По неписаной традиции почти всегда чемпионка Европы через год становится и чемпионкой мира или Олимпийских игр. В нечетный год одна медаль, в четный — вторая.

После Кубка Европы шестьдесят девятого года обозреватель весьма авторитетной спортивной газеты «Экип» Ноэл Куэдель

утверждал: «Это может скоро и очень скоро сделать Янц недосягаемой. Янц является типом гимнастики будущего».

Я глубоко уважаю Карин Янц. Но я не могла не поспорить с Куздедем, тем более что в этой же статье омоложение «элиты мировой гимнастики» он связывал с наступлением новой эры «чемпионок-куколок».

Париж, где издается «Экип»,— законодатель мод, но не в спортивной гимнастике. Я возражала: «С таким заключением я решительно не согласна. Кто победит? Да разве можно ответить на этот вопрос заранее? Без одухотворенности, интеллектуального начала, женской красоты не может быть подлинной большой гимнастики. Поэтому я не верю в то, что когда-нибудь наступит эра «гимнасток-куколок». Поэтому я глубоко верю в то, что наша команда сумеет доказать обратное».

Вот и пришло время доказывать — в Любляне. А теперь это уже страница в гимнастической летописи. Что заносили в нее тогда по горячим следам? Напряженный поединок между двумя соперницами, Янц и Турищевой, продолжался до последней минуты. На последнем снаряде Янц постигла досадная неудача, которая отбросила ее на четвертое место. А в это время Турищева выходила на ковер сияющая, счастливая. Она уже не думала ни о соревнованиях, ни о судействе и с большим вдохновением исполнила свою произвольную комбинацию. Оценка 9,9 балла явилась лишь формальной. Бревно решило и участь команд. «Мужественно проявили себя советские спортсменки. Победа досталась им, причем заслуженная победа» — это «Чехословенски спорт». А вот оценка газеты, представляющей интересы наших подруг-соперниц, «Дойче Шпорт-эхо»: «Двойной триумф советских гимнасток оказался превосходным. Заслуженно превосходным, так как в час испытаний они сумели показать высокие результаты и продемонстрировать отчаянные, рискованные упражнения».

Мужественно, отчаянно, рискованно!.. Что же скрывать, приятно читать это об изящных гимнастах. А в те минуты? Вспоминаю свой разговор с одним из тренеров, когда шли состязания на бревне.

— Я закрою сейчас глаза. И ты мне ничего не говори. Буду слушать. Охнет зал, значит, все пропало.

— А если зал охнет от восторга?..

Вот разговор абсолютной чемпионки мира Людмилы Турищевой на следующий день с конструкторами гимнастического оборудования.

— Каким бы вы хотели видеть бревно?

— Каким? Ну хотя бы в два раза шире.

Любляна... Что еще на этой странице? Тогда я с удовольствием читала в той самой газете «Экип», что недавно вещала о

«гимнастках-куколках», о «девочках, которые покинут сцену до того, как достигнут расцвета»:

«Кроме технического совершенства, у советских гимнасток есть что-то, что называется грацией, легкостью, свежестью. И то, что все это оценивается в баллах и десятых балла, отступает на второй план. Важно, что они превращают гимнастику в искусство, в универсальный вид спорта, который представляет собой смешение строгой дисциплины, освоения отдельных элементов и творчества. Для советских гимнасток «укрошение» снарядов — давно пройденный этап. Теперь они открывают нам все новые возможности. Это настоящие исследователи».

...Наконец-то после Любляны у нас опытная, закаленная команда, но почему же в семьдесят первом залихорадило тех, кто был уже испытан и в Дортмунде, и в Мехико, и в Любляне?

Потому что в семьдесят первом ушла из сборной Лариса Петрик. Казалось бы, вчера мы встретились с ней в Киеве, где она стала абсолютной чемпионкой страны. Вчера? Семь лет назад! А затем непрочными стали в сборной позиции Оли Карасевой и Зины Ворониной.

Для одних слова «молодежь наступает» — привычная фраза из газетного отчета, а для других она наполнена реальной и не очень приятной сутью: ты должна бороться. И, как ни горько, отступать. И Ольга и Зина проигрывают первенство и Кубок семьдесят второго года. Я надеюсь на последние контрольные соревнования в Минске. Очень надеюсь.

— Лариса Семеновна, — говорит мне один из тренеров, — вы больше хотите Олиной и Зининой победы, чем они сами.

Конечно, это — преувеличение. Они сами очень хотели победить, но не смогли, а для старшего тренера, который никого из гимнасток не тренирует, все члены сборной и кандидаты должны быть равными — и здесь ничего не возразишь. Все это так. Но мне хочется верить, что я не прощаюсь с Зиной и Олей, а расстаюсь с ними на время.

Да, так или иначе, а на XX Олимпийские игры приехала команда, в которой лишь две гимнастки выступали на прошлой Олимпиаде и лишь три соревновались в семидесятом на первенстве мира. И все же я верю, что это та же команда, которая после Дортмунда решила никому не уступать...

*
*
*

И вот мы в мюнхенском Шпортхалле, залитом очень ярким светом, звучащем переливом баварских колокольчиков. Последние минуты. Хочу отвлечься. Пытаюсь посмотреть на девчóнок

глазами зрителя. Белые купальники, красные сумочки. Хорошо! Что бы там ни говорили, но элегантность, вкус входят в стиль гимнастики. Однако это не главное. Главное в мастерстве, и оно не позволяет нам смотреть на гимнастический помост со стороны. Последние горячие секунды слетают с циферблатов, как магнетизм с ладоней гимнасток. Полина Астахова выводит команду СССР к первому снаряду. Мы смотрим на прямоугольник основания брусев, к которым подходит Эля Саади. Начался отсчет минут, секунд, баллов, десятых, сотых...

В Минске на контрольных соревнованиях все снаряды были тех же фирм, что и в Мюнхене. Так же расставлены. И зрители хватало. Но модель есть модель. Впрочем, и чисто внешне не все совпало. Помост в Мюнхене оказался ниже стандартного. Электрическое освещение в четыре раза выше нормы: одиннадцатая с половиной тысяч счастливых, попавших в Шпортхалле, должны видеть все отлично. И миллионы телезрителей тоже. Но это не такие уж разительные отличия. А вот судьи! Судьи здесь не те, что в Минске. Победителям жаловаться не принято. Все же сошлюсь на прессу хозяев Игр. «На этот раз служительницам Фемиды следовало бы снять повязки, а не завязывать их покрепче, когда выступали русские гимнастки. Право же, их смелость заслуживает иного», — так писала «Мюнхен-Меркур». Комментировать эти строки, относящиеся к судейству не только в первый день, не буду. Думаю, что это убедительно сделал Международный Олимпийский комитет, который уже после соревнований дисквалифицировал кое-кого из судей.

И все же лидерство у нас. Но сколько волнений! На следующем снаряде — бревне — картину могу воссоздать лишь по рассказам и протоколам. Да, как и в Югославии, я не выдержала и закрыла глаза. Постыдная слабость? Принимаю упрек! Когда открыла глаза, увидела уже шестую в команде — Люду Турищеву, выполнявшую приземление после прыжка с поворотом. Приземление, мягко говоря, было не очень удачным, но все же потерь не так уж много.

После обязательной программы выигрываем у хорошо выступающих девушек из ГДР почти два балла. В какой-то мере это результат того, что у шахматистов называется «домашней заготовкой». Ведь в семьдесят втором наша обязательная программа заметно приблизилась к произвольной. Мы получили от Международной федерации лишь набор элементов, из которых строили комбинации обязательной программы. Выходит, наша интерпретация убедительна.

Вот два разговора из многих между первым и вторым днями соревнований.

Ко мне подбегает, подпрыгивая, черноволосая, хрупкая Эля Саади.

— Ой, Лариса Семеновна, правда, мы хорошо выступили? Скажите же, правда, здорово? А уж произвольную пройдем! Вот увидите, как соберемся! Отлично пройдем!

Множественное число. Но я понимаю, Эля говорит о себе! Ее тренер Владимир Филиппович Аксёнов подготовил прекрасную гимнастку для сборной страны. Это произошло через пятнадцать лет после того, как команду покинула землячка Эли — Галя Шамрай.

Теперь можно сказать, что у нас было немало споров о месте Саади в сборной. Даже после того, как она выиграла две золотые медали на чемпионате страны.

— Физическая подготовка не та. Сомнительная кондиция. Сейчас взлет, а что будет в Мюнхене?

Что же, бывает в гимнастике и так. Я и сама иногда повторяю запомнившиеся мне поэтические строки: «Кто бывает весною горласт, тот без голоса к лету останется». Но... Эля, хрупкая, пластичная и действительно без атлетической закалки, показала настоящий бойцовский характер. Поэтому она здесь. Я киваю ей, щебечущей от радости: не подвела команду! Только не думай, что ты уже чемпионка Олимпийских игр.

А вот грустные глаза Люды Турищевой. После первого дня она проигрывает Тамаре Лазакович две десятых, Карин Янц — одну. При новой формуле, когда абсолютный чемпион определяется после трехдневных состязаний, — совсем немного, но я понимаю, что Люде неудобно начинать разговор на такую тему и неудобно спрашивать, не волнуешь ли я.

— Люда! Впереди еще два дня. Не раскиснешь же ты из-за такой мелочи! Подумаешь, неудачно выполнила прыжок на бревне. Да ты же все умеешь в произвольной! Все можешь!

Люда, как всегда, слушает очень серьезно и задумчиво кивает.

...И снова Шпортхалле. После произвольной программы решится судьба золотой медали за командное первенство. Команда — неизмеримо больше, чем шесть хороших гимнасток. Да, это так. Как бы ни менялся ее состав, кто бы ни стоял на правом и на левом флангах, традиции сохраняются... Собрать все силы для команды, когда тебе невыносимо трудно, — таковы традиции нашей сборной.

...Дважды ошиблась Тоня Кошель в произвольной программе. Вначале на вольных, а потом на брусках. Впереди упражнение на бревне. Тоне уже ничего не добиться в личном зачете. Как тяжело это, еще не осмыслив, пережить, а сейчас ей —

первой в команде — выступать на бревне. Упражнение в равновесии. Как часто в решающие минуты равновесия не хватает!

Нет, не буду закрывать глаза. «Тошка, Тошка, держись,— шепчу я,— не подведи». Где-то рядом со мной волнуется еще больше, чем я, тренер Тони — Виктор Хомутов. Удержится девочка? Ах, этот брусок! Давно надо его реконструировать!

Тоня любит петь. И все упражнение она выполнила, как спела,— без единой фальшивой нотки! Для места Антонины Кошель во втором десятке личного зачета эта оценка не имела значения, а для команды СССР она была очень важна.

А вот для Тамары Лазакович личная оценка во второй день значила очень много. Но есть у нас еще одна традиция: сначала все для команды, потом для себя... Железную выдержку, неуступчивый характер мало кто сразу разглядит в беленькой, стройной, милостливой девочке. Да еще когда на лице ее кроткая улыбка. Однако тот, кто видел близко ее светлые глаза, тот мог прочесть в них: «Не дрогну, не уступлю».

...Снимали художественный фильм «Новенькая». Был там такой эпизод: на тренировке сборной безымянная Лазакович встретилась на бревне с новенькой гимнасткой.

— Тебе надо показать одним взглядом, что этой новенькой ты не хочешь уступить, и не только на бревне. Вообще ни одной позиции,— объяснял режиссер Тамаре.— Сможешь?!

— А чего же тут хитрого,— хмыкнула она и сыграла себя.

А вот уже не кино. В конце семидесятого года мы выступали в Японии. На первых соревнованиях в Нагои девочки, как водится, изрядно волновались. Разминка. Лазакович на бревне и явно не собирается освобождать его для Любы Бурды. Люба встревожена: ей начинать, и может не хватить времени хоть как-нибудь опробовать снаряд.

— Лазя! Живо с бревна! Это тебе не кино,— шепнула я.

Она сделала еще один шаг и прыгнула, безоблачно улыбаясь. И вот в Мюнхене она уступает заранее. Кому? Команде! В произвольной программе мы не имели права исполнять больше четырех одинаковых прыжков из двенадцати (каждая участница прыгает дважды). Четыре хорошо разученных прыжка «сгиб-разгиб» достались Эле Саади, Люде Турицевой и два — Оле Корбут. У Тамары очень сложный новый прыжок — переворот вперед с поворотом на триста шестьдесят градусов.

Викентий Дмитриевич Дмитриев говорит, как всегда, тихо, но я вижу: взволнован.

— Надо бы подстраховаться. Один прыжок заменить на «сгиб-разгиб».

Прав ли он? Вероятно. Ведь сейчас Дмитриев просит не только за ученицу, но и за лидера чемпионата! Но это будет пятый одинаковый прыжок, и с командного результата снимут три десятых балла. Конечно, теперь после победы можно сказать: что нам было три десятых — вон сколько выиграли! А тогда перед коварными снарядами такой смелости не было. Рисковать командной медалью? Я смотрю на Викентия, и он вздыхает. Он же не только тренер Тамары Лазакович — он тренер сборной команды СССР.

— Пойдем посмотрим, как она прыгает.

И мы идем в разминочный зал и смотрим, как Тамара прыгает с поворотом на триста шестьдесят градусов.

Конечно «сгиб-разгиб» надежнее, и Тамара это понимает, и я, и Дмитриев. Но команда есть команда!.. И вот на соревнованиях этот поворот дважды подвел Тamarу. Единственные ее ошибки за четыре дня выступлений! Так были потеряны сотые балла, без которых она не могла дотянуться до серебряной медали в многоборье. Сознательно потеряны! Ради команды! До сих пор я чувствую себя виноватой перед Тамарой.

Традиции команды. Они и в том, чтобы блестяще выступить там, где накануне мы споткнулись. Не отступать, а атаковать. Девушки из команды ГДР выступали на бревне раньше нас. Пожалуй, они решили не рисковать и кое-что исключили из произвольной комбинации. Трудностей и так хватало. Кажется, это было единственным отступлением сильной, слаженной команды. И оно не привело к успеху: три гимнастки грубо ошиблись. Что же, от этого никто не застрахован. Наше же решение: на последнем снаряде — этом сложном равновесии — продемонстрировать все, что было подготовлено, ни в чем не отступить. Я уже говорила о Тоне Кошель. Дальше пошло по нарастающей, и, когда приземлилась Люда Турищева, оказалось, что наша команда в этом упражнении набрала даже больше, чем в коронных наших вольных упражнениях. Впервые на моей памяти три участницы из одной команды получили в равновесии оценку 9,75.

Вот какие традиции есть у нашей команды. Вот почему августовским вечером в Мюнхене она готовилась занять место в центре олимпийского пьедестала.

Я не любила, когда в идиллических тонах писали о команде, в которой мне довелось выступать. Мы умели дружить, но, если речь шла не о главном, могли и ссориться. Мы были людьми с разными взглядами и характерами, и поступками, и недостатками. Но в одном мы были одинаковы: для победы отдавали все. Этим живет и команда семьдесят второго года, хотя и ее не на-

до рисовать одной розовой краской. Ведь это в нашей комсомольской команде два призера не поздравили победительницу — свою подругу.

— Неужели тебе не стыдно? — спросила я одну из виновниц.

— Сейчас очень.

— А тогда?

— А тогда обида, злость все затмили.

Нет, это была не зависть, а спортивный азарт. И все равно не будет у нас больше такого! А вообще от ошибок кто застрахован...

Команды идут к пьедесталу. Сейчас вручат золотую медаль сборной СССР. Трансфокаторы приближают к многомиллионной аудитории шесть девичьих лиц. Всевидящее око телевидения высвечивает усталые и счастливые улыбки.

В первый раз звучит на XX Олимпийских играх наш гимн и поднимается вверх алый стяг.

III

31 августа.

Разыгрывается звание абсолютной чемпионки.

После двух видов впереди Оля Корбут. Тысячные доли балла проигрывает ей Люда Турищева и совсем рядом Карин Янц и Тамара Лазакович.

Наши гимнастки выступают в разных группах, и Полина Астахова, выполняя свои обязанности выводящего тренера, мечется между ними. Нелегко ей. Нам тоже. А тяжелее всего там, на помосте, девочкам.

Груз лидерства оказался для Оли Корбут непосильным. Дважды она ошибалась на брусках и потеряла два балла. Корбут плачет внизу, у помоста, а мы сжимаем и разжимаем кулаки. Но вот она вытерла слезы ладошкой, тряхнула головой и зашагала к следующему снаряду — обретать равновесие. И когда Оля закончила свое упражнение, я вспомнила летучую фразу: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла».

Вот он, критический момент. Тяжкая ноша легла на плечи Люды Турищевой.

Я смотрю на нее и вспоминаю утренний разговор с Растороцким.

— Волнуетесь, Владислав Степанович?

— Я? Да ни капли! Люда сказала мне: не вздумайте переживать, выиграю эти соревнования. Ведь я ее и не спрашивал. Понимаете, Лариса Семеновна? Она сама так спокойно подходит и говорит, неужели же после этого волноваться?

Но он, конечно, волнуется.

Головоломные спортивные качели, на которых стоят тренер и ученица: на одном краю — взрослый человек, на другом — маленькая девочка. Совсем недавно Растороцкий спросил: «Как зовут эту девочку?» И никто тогда еще не знал, что эту фамилию будут повторять в залах, отбивать на клавишах телетайпов, выписывать на световых табло. Конечно, в тот день первого знакомства и тренер не мог думать о такой метаморфозе, но он мечтал о том, чтобы вместе с ученицей взлететь как можно выше. И вот взлетел.

Нелегко, ох как нелегко осуществить свою мечту. В шестьдесят шестом в Ташкенте я случайно услышала почти монолог Штукмана («почти», потому что он отвечал на вопросы).

— Все у меня есть, — говорил Юрий Эдуардович, — все ясно. Но вот как это все передать, донести? Как?

И это говорил профессор, который готовил не только прекрасных гимнасток, но и их воспитателей. Сам Владислав Растороцкий, да и многие другие учились у этого тонкого, вдумчивого педагога.

Когда мы заметно отстали в упражнениях на брусках, внезапно появилась знаменитая вертушка Бурды. (Вот еще особенность качелей: гимнастка всегда заметней, чем тренер. Почему вертушка Бурды, а не Штукмана? Впрочем, сам тренер не в обиде.) Да, она появилась внезапно, потому что многие не знали, сколько времени понадобилось Юрию Эдуардовичу для того, чтобы создать эту вертушку. А сколько лет потребовалось, чтобы создать вольные упражнения на музыку Баха? Более трех лет трудились тренер и его ученица!

Я довольна выступлением Любы в Мюнхене, но Штукмана ее пятое место не обрадовало. Значит, он будет продолжать поиски. Ведь сила тренера в том, что каждую новую ученицу он стремится повести новым путем. У Юрия Эдуардовича после Тамары Люхиной и Иры Первушиной появилась Люба Бурда, у Дмитриева после Ларисы Петрик растет Тамара Лазакович, у Кныша после Лены Волчецкой и Тамары Алексеевой — Оля Корбут. И вот Кныш утверждает: «Прежний мой опыт понадобился мне лишь для того, чтобы целиком опровергнуть его в Корбут...»

Растороцкий, расставшись со своим учителем — Штукманом, стал работать самостоятельно. Его первая ученица Лариса Ермичева была сильной гимнасткой. Сильной, но не больше. Молодой тренер считал, что один может до самого пика раскатать качели, и это, к сожалению, ошибка, все еще распространенная. В «Пигмалионе» Элиза Дулитл поступает совсем не так, как ожидал ее учитель. Он учил ее правильно говорить, а она еще и

думает и чувствует по-своему. И поступает по-своему. И в спорте тот, кто хочет повторить путь Пигмалиона, обречен на неудачу. Надо творить вдвоем. По форме отношений Растороцкого и Турищевой это незаметно. Больше того, на первый взгляд кажется, что это не так. Растороцкий громко командует, критикует Люду за ошибки, сердито апеллирует к видеомагнитофону. Он взрывается, негодует, спорит.

Растороцкий максималист. В шестьдесят седьмом Люда только-только выиграла Кубок страны без сильнейших. А он говорит: «На будущий год надо обыграть Чаславску!» Не вышло на будущий год. Боремся за первое место в шестьдесят девятом на Кубке Европы. Не получился выход в стойку на брусках — и вот не первое, а третье место! Отступать? Нет! Усложнять программу. Проигрешь на чемпионате страны в последнем упражнении. «Да. Я виноват. Не многие это поймут. Скажут—Люда. А она совсем ни при чем» .

— Так уже и совсем?

— Да. Но ей вы этого не говорите.

А через несколько недель он пишет: «Хотим дать бой на первенстве мира. Точность и сложность, грациозность и изящество Люды — все это должно быть. И я в нее верю, как в себя». Верить как в себя! Это ведь тоже максимализм.

Прав ли тренер, что все время выдвигает перед ученицей самые сложные задачи? Но и у Люды тоже только одна мера: как можно лучше. Люда с детства подходила так к балету и к отметкам в школе, и теперь к ученым в институте, к занятиям немецким языком, к комсомольским поручениям и, разумеется, к гимнастике.

В гимнастике заключена поэзия движений, но есть еще и другая поэзия — труда спортсмена, труда, подчиненного осмысленной, высокой цели. За последние годы Турищева попала в разряд спортсменов, победам которых не очень-то удивляются. Так вроде должно и быть. Но, когда «возлагают надежды», честное слово, побеждать не легче. По-моему, даже труднее. Так и здесь, в Мюнхене. И надо обладать стальной волей, чтобы утром перед решающими событиями подойти к своему тренеру и сказать:

— Чувствую, что выиграю.

Тренер говорит громко, а гимнастка тихо. Но в этот момент неясно, кто кого успокаивает, кто раскачивает качели до зенита.

9,4 — оценка Турищевой на бревне. После вчерашней маловата; после падения Корбут — это все, что можно сделать. Перед последним упражнением Карин Янц выходит вперед на пять сотых балла. Ей выступать на брусках. У Люды — вольные уп-

ражжения. Если бы на месте Турищевой была бы любая другая девочка из нашей команды, я бы, наверное, посела за эти минуты. Только Люда могла выиграть у Янца, уже получившей 9,7 на брусьях. Максималисты умеют побеждать! Я считаю эти вольные упражнения самым великолепным и драматическим номером в гимнастическом концерте XX Олимпиады. 9,9, завоеванные Турищевой,—признание исключительного класса новой абсолютной чемпионки. Для этой победы Люда отдала все силы. Все! На следующий день она допустила в тех же вольных ошибки, однако проиграла она тогда, когда ее соперницей стала уже подруга по команде.

Оля Корбут завоевала золотые медали в равновесии на бревне и в вольных упражнениях. «Кто в Олимпийской деревне мог предвидеть, что она станет тем, кем стала?» — спрашивал журнал «Штерн» после соревнований. Кто? Попробую ответить. Вспоминаю зиму семидесятого года. Заснеженный аэродром в Гродно. Раскрасневшуюся от холода или волнения Ольгу с букетиком цветов. Потом разговор дома с Олиной мамой.

— Посмотрите... Какая она худенькая. Вот же родная сестра занимается гимнастикой, и девочка как девочка. А Оля! А вы еще говорите, хлеб с маслом нельзя.

К счастью, со мною вместе в Гродно был и наш врач Михаил Михайлович Кузнецов, и я немедленно выдвинула его в качестве оппонента по этой проблеме.

В аккуратно разлинованной ученической тетради — спортивном дневнике Оли Корбут — я увидела как-то в числе других и такую запись: «1972 год, Мюнхен, Олимпийские игры—1-е место». Можно представить, как Оля склонилась над этой страницей, высунув язык от усердия. Я тогда оторвалась от тетради и, подняв глаза, встретила со взглядом Ренальда Ивановича. Понимала: его обидят сомнения даже в форме вопросительной усмешки. Да и почему я должна была сомневаться?

— По-моему, задумано хорошо, — сказала я.

— Выполнить трудно, Лариса Семеновна,—признался Кныш...

...Видели вы ее прическу? Волосы торчат, ершатся, как Оля ни старается. Вот такой у нее и характер. В шестьдесят девятом Ольгу, которой еще не исполнилось пятнадцати, допустили к соревнованиям на первенство страны в Ростове. Там она выполнила два уникальных элемента, но с брусев сорвалась. Из упора присев на верхней жерди, переворот назад, прогнувшись в вис. А на бревне исполнила сальто назад в группировке.

Мне больше понравилась комбинация на брусьях. И там и на бревне риска было достаточно, но на брусьях больше амплитуда. Говорят, спорт закаляет характер. Верно! Однако я твердо убеждена: надо иметь основу для закалки. Трису, например,

в большой гимнастике делать нечего. Пока он в очередной раз будет решать, быть или не быть, смелый рискнет и раз, и два, и три и уйдет вперед.

Но риск и смелость — понятия неравнозначные, особенно для юных. Вот почему мне иногда важнее увидеть, как девочка не сделала рискованный элемент, как она проиграла, как она... упала. Да, в такой момент узнаешь больше, чем в минуты выигрыша. На балу удачи все танцуют красиво. Но вот гимнастка сорвалась, померкли надежды, в секунды многое перечеркнуто, а я смотрю, как она поднимется, что делает, рискнет ли завтра еще раз.

Все мы срывались, падали. Меня это коснулось в Риме — в пятьдесят четвертом, Лину — там же, в шестидесятом, Любу Бурду и Люду Турищеву — в Мехико. Мы поднимались и продолжали. Так поднялась после падения в Ростове и Ольга. Значит, есть характер. Значит, Ренальд Иванович нашел. Тренер ищет годами. После того, как закончила выступать Лена Волчецкая и появилась Оля Корбут, прошло несколько лет.

...Я продолжаю разговор с Ренальдом Ивановичем в Гродно в семидесятом:

— Трудно выполнить, но собираетесь?

— Так ведь иначе не придумывал бы. Я же знал, для кого. Трудно, но возможно.

Да, надо знать, для кого придумывать. И надо понимать, что стоит у Кныша за этими словами. Выдумывать трюк. Американец Дэн Милмэн предложил изобретать новые трюки, просматривая кинолентку гимнастических упражнений наоборот. В наш век техники — вполне доступное решение. Правда, Милмэн предложил и большее в журнале «Модерн Джимнэст»: «Часто наша фантазия направлена на отдельные элементы. А почему бы не подумать о целом упражнении? Любому композитору, который думает только об отдельных нотах, чего-то будет недоставать во всей симфонии. Многие гимнасты мыслят подобным образом. Мне бы хотелось предложить концепцию драматических контрастов при составлении произвольных комбинаций».

Композитор может думать обо всей симфонии, не ведая о будущем исполнителе. Однако если тренер так будет подходить к произвольной программе, возникнет, по-моему, драматический контраст между желаемым и действительным. Тренер должен думать и о личности исполнителя и о том, как гимнастка будет разучивать комбинацию. Надо воспитать спортсменку, выковать в ней смелость, отвагу, оптимизм. Вот это и заставляет

Ренальда Ивановича вспомнить о непокорных волосах Оли Корбут.

Тогда в Гродно я прониклась уверенностью: Кныш решит трудную задачу. Хотя, кроме Корбут, у него были десятки дел: строительство нового зала, переоборудование старого, проверка спортивных дневников всех учеников, встречи с родителями, с учителями, с тренерами. При мне в горсовете Ренальда Ивановича страшивали: «Когда же переедешь в новую квартиру?» «Вот съездим в Минск на соревнования, вернусь и тогда...» Я поняла: не первый разговор на эту тему.

После Гродно я поехала в Витебск, в школу Дмитриева. Здесь, в уже отстроенном, но еще не открытом новом зале я рассказывала Викентию Дмитриевичу о разных проблемах его коллеги. Дмитриев внимательно слушал, шутил и заключил, как обычно, коротко, но веско: «У Ренальда Ивановича получится».

Слова Оли: «Это интересно, когда трудно» — в те дни нигде не цитировались. А трудно было летом семьдесят второго многим.

Перед Любляной у Оли были неплохие вольные. Можно сказать, для того времени хорошие. Перед Мюнхеном их поменяли. Аида Александровна Селезнева и Евсей Гдальевич Веврик готовят с Олей «Полет шмеля». Подходит? Отличная композиция! И исполнение хорошее. Маленькая девочка. Динамичная музыка, ассоциации с прекрасной сказкой. И вдруг...

— Не нравится мне это, Лариса Семеновна.

Это незадолго до Олимпийских! Я смотрю на Олины растопыренные косички с негодованием, но спрашиваю очень спокойно:

— Почему же, Оля, не нравится?

Но Ольгу не обманешь деланным спокойствием.

— Очень хорошие вольные, но чего-то не хватает в них.— И она разводит руками.

— Чего же не хватает, если не жестами объясняться?

— Лариса Семеновна, мне нужно что-то такое... Такое, чтобы показать широту души. А тут шмель!— И она подняла голову вверх, чтобы отважно посмотреть мне прямо в глаза.

— Ты, конечно, уже советовалась с Ренальдом Ивановичем?

— Он ищет,— сказала Оля и опустила голову.

— Хорошо,— неопределенно заключила я.

— Ищем,— подтвердил Кныш,— можем показать кусочек.

И вот мы смотрим отрывки из новой комбинации, исполняемой под «Калинку». Что-то в ней избитое и что-то новое. Бутафорский огонь и искры, которые могут зажечь.

— Нет, Ренальд Иванович, «Калинка» не подходит.

— И «Полет шмеля» тоже не подходит,— говорит Корбут.

А до контрольных соревнований остается пять дней. Пять дней! Опять это неумолимое время! Хожу ночью по номеру минской гостиницы «Юбилейная». Время... Помню, в перерыве между заседаниями съезда комсомола Юрий Алексеевич Гегарин рассказывал, как за несколько часов он успел выполнить массу дел. Потом улыбнулся неповторимой своей улыбкой и сказал:

— Космос осваивается. Пространство вроде покорили. Но как покорить время?

Это было десять лет назад... Как покорить время? Наверное, и Кныш не спит, думает. И наш хореограф Галина Саварина быстро поднимает телефонную трубку... Ну, зачем я связалась с этой гимнастикой? Работала в «Спартаке», там можно было оглядеться вокруг, а у вас в сборной... И эта девчонка! Она задала нам задачу, а сама положила, наверное, сжатый кулачок под подушку и улыбается во сне. Ей утром вставать позже нас: прическа-то несложная. Непокорные волосы. Широта души. «Калинка». Галя Саварина думала, как уложить старые акробатические связки в новую композицию. Вольные не были повторением старого. Они заиграли, заискрились. Обещали ли они золотую медаль в Мюнхене? Нет. Но они обещали большой успех. А главное — это был самостоятельный шаг Оли Корбут к творчеству.

Всякие предсказания в спорте — дело вообще чрезвычайно неблагоприятное. Но мне минута крушения Ольги на брусках и следующее за этим выступление на бревне в третий день мюнхенских состязаний многое раскрыли. Бывают такие поражения, которые приводят к победе, заставляют спортсмена найти в себе не изведанные доселе силы. И он чувствует себя настолько свободно, раскованно, смело, что сейчас ему по плечу любое. Вот что произошло в Мюнхене с семнадцатилетней девушкой, хотя рост ее всего сто пятьдесят четыре сантиметра, в волосах — смешные белые бантики и по помосту она бежит босиком. Так рождаются две победы Оли Корбут в первый день сентября.

С детства ее называли воробышком. Но ведь и соловей, пока не запоет, тоже неприметная, серая птичка. В чем секрет того, что Оля стала любимицей зрителей на XX Олимпийских играх? Секрет всякой популярности в чем-то так и остается неразгаданным. А что же разгадано? Как всегда, импонируют неожиданность победы, юность победительницы, ее смелость. И еще одно. Современный спорт сложен. К Олимпийским играм готовятся годами. Помогают спортсменам и тренерам врачи, фи-

зиологи, психологи, биохимики. Шелестят страницы исследований, щелкают электронно-вычислительные машины. Все это очень серьезно. Все это необходимо. И люди, следящие за спортом, знают об этой сложной и необходимой подготовке. Но когда расчета они не чувствуют, когда на помосте видят просто молодость, радость, счастье, это их впечатляет больше всего.

Артистизм Ольги Корбут настолько естествен и высок, что незаметен. Чародейка балета Анна Павлова когда-то сказала: «Высшая степень искусства состоит в способности скрыть самую технику искусства». В этом, видимо, секрет Оли Корбут.

...Рассказывают, что, когда в Гродно узнали о победах Корбут, суда на Немане радостно загудели, а мне вспоминаются другие гудки, которыми в пятьдесят шестом встречали нас после Олимпийских игр в Австралии корабли во владивостокской бухте Золотой Рог.

Традиционный привет Родины. Как не вспомнить в такой миг, что ты не могла бы победить без поддержки сотен, тысяч людей, стоявших то рядом с тобой, то вдалеке. Стоит вспомнить об этом, чтобы перестала кружиться голова от победы, успеха, счастья. Бывает ведь, что она кружится и не только в семнадцать лет. И хорошо, что Ренальд Иванович говорит: «Попрасноуовали и хватит. Вот сколько Оля ошибок понаделала. Тренироваться, тренироваться. Я такой прыжок задумал. Посмотрите, Лариса Семеновна...»

Да, Мюнхен позади, надо готовиться к новым соревнованиям, и просьба администрации музея восковых фигур Тюссо прислать Ольгу Корбут в Лондон для создания ее восковой скульптуры у нас поддержки не нашла. Впрочем, у Ольги оставался шанс поехать в Лондон: в семьдесят третьем там Кубок континента.

Копии Кубка Европы хранятся у победительниц предыдущего турнира — Люды Турищевой и Тамары Лазакович. Две гимнастки от каждой страны могут выступать в борьбе за Кубок. Кто же отправится в Лондон? И вот снова надо определять, кто же сильнее. А кто будет третьей гимнасткой, которой придется по традиции выступать перед состязаниями для судей? Честное слово, сегодня я не знаю, как зовут эту девочку. Придет время, узнаем.

Двери у нас в сборную открыты для всех, дорога известна. Надо очень много трудиться. Выполните за полгода сто тысяч элементов гимнастических комбинаций, и вы узнаете, что стоит за железной выдержкой и уверенностью Люды Турищевой. Тридцать пять комбинаций в некоторые из тренировок! А две тысячи прыжков Корбут! В 1956 году мы в сборной считали ре-

кордом 15 комбинаций в тренировку. Двадцать комбинаций за день тренировки выполнял в те годы один лишь человек — Виктор Иванович Чукарин. Для многих и сегодня его нагрузки — непревзойденный эталон. В нашей сборной команде они превзойдены, и женская гимнастика от этого лишь выиграла.

Наверное, это звучит как аксиома: к большой победе ведет лишь большой труд. Но я не могу не повторить этой истины. Да, без таланта, одаренности нет сегодня чемпиона. Но все это надо помножить на труд. Именно он, а не «гениально найденная» линия, ослепительная улыбка, оригинальная прическа или какой-нибудь трюк — залог победы. Наши девочки победили, потому что умели самозабвенно трудиться и научились одухотворять труд творчеством.

Когда гимнастки шагнули на пьедестал, их тренеры остались в стороне. Но ведь это условность ритуала. Гимнастка никогда не забывает человека, который стоит на другой стороне спортивных качелей. Он же не жалел своих сил, не обращал внимания на тугие тросы, на порезанные руки, не боялся ошибиться, упасть. Вместе они поднимались вверх. Ради высокого долга отстоять и умножить спортивную честь своей Родины они победили.

ГИМНАСТИКА И ИСКУССТВО

Гродно. Февраль 1973 года. Я не была в этом городе три года. Тогда впервые я увидела Ольгу Корбут у себя дома. На небольшой внешне и совсем небольшой стартовой площадке готовился ее взлет. Только внешне. Замысел тренера был смелым, творческой фантазии достаточно. Гимнастика достигла заветной вершины.

Теперь тренировки школы идут в двух залах. Нижний реконструируется... Неподалеку от стадиона выросла новая гостиница «Беларусь». Рядом дом, где до недавнего времени жила Оля. А теперь она переехала. Живет на одной лестничной клетке с семьей Ренальда Ивановича. По очереди побывала и в гостях и там и там. Ольга рассказала мне, как будет обставлена вторая комната.

— Понимаете, Лариса Семеновна, вот здесь зеркало. Стенка... Все для балетных упражнений. Так. А вот место для ковра. Ну и, конечно, бревнышко!

— Ты в зал тогда не перестанешь ходить?

— Ренальд Иванович не разрешит.

Кныш продолжает раздумывать над внезапно возникшей проблемой.

— Неужели запретят сальто назад на бревне? Лариса Семеновна, кто же там в международной федерации решает? Бабушкину гимнастику им подавай, что ли? Да ведь они же сами аплодировали.

Отвечаю, как человек, уже умудренный международным опытом.

— Все может быть, Ренальд Иванович.

— Дело же в конце концов не в Корбут. Ведь отбивают охоту к новому. А в гимнастике еще можно сделать массу открытий, массу!

Да. Это так. А сейчас мы все отправляемся на тренировку. Обычную? Не совсем. В Гродно снимается английский фильм о белорусской девчужке. Операторы страны, в которой, по существу, нет современной спортивной гимнастики на высшем

уровне, уже почти пять месяцев создают рассказ о советской гимнастике.

Сейчас расходуются последние десятки метров пленки. Один, два... три... четыре, пять. Нет, это не про кадры. Это опять сальто назад Ольги на бревне, пятое неудачное. Сидит под бревном с опущенной головой. Встала. Сжала кулачки. В светлых глазах вызов. Наверх. Снова сальто. Уан, ту, фри, фо, файф,— восхищенно отсчитывает второй оператор.

— А когда же трудиться?— жалуется Ренальд Иванович.

— Нам нужно повторить это сальто не больше десяти раз,— говорит режиссер Джон Шеппард.

Ольга не прибегает к услугам переводчика. Она просто отрицательно качает головой.

— Но не сегодня.— И апеллирует ко мне: — Лариса Семеновна! Они что, с ума сошли? Это же было двадцать четвертое сальто!

Я пытаюсь решить спор в пользу искусства.

— Оля. Есть такая пословица: «Искусство требует жертв».

— Так я же не артистка английского кино!

— Это верно. Но ты скажи мне: гимнастика — искусство?

— Искусство, искусство,— сдается Ольга.

Я по себе знаю, как эмоции помогают в гимнастике. В шестидесят первом готовилась к финалу первенства страны. Были у меня к этому времени разные чемпионские звания. А вот абсолютное первенство дома я не выигрывала... Мучила травма ноги. Подкрадывалась усталость. Настроивала себя как могла. А настроилась неожиданно. Прочла в «Советском спорте» статью. Были в ней и такие слова:

«Кое-кто склонен полагать, что Латынина, Шахлин или Столбов часто получают высокие оценки лишь, как говорится, за имя. Я же считаю, что судьи подчас еще слишком формально подходят к оценке их мастерства, не учитывая действительно яркой, неповторимой образности исполнения.

Разве Уланова в своем триумфальном шествии по сценам Европы и Америки потрясала зрителей только техническим мастерством? Конечно же, нет, прежде всего «улановской» индивидуальностью. Сравнения опасны, но для меня очевидно, что Латынина — это Уланова гимнастики. Хочется быть понятым правильно в том смысле, что, как и Уланова танцевальные па, формальные гимнастические движения Латынина одухотворяет, вдыхая в них «душу живу», делая их неповторимо «латынинскими». Для меня, зрителя, это ясно, когда мне кажется, что спортсменка на своем гимнастическом языке как бы интимно беседует со мной, раскрывая высшие законы красоты.

И так же, как смешны и наивны попытки отдельных балерин подражать Улановой (они схватывают лишь внешнее, например, опущенные плечи), так же бессмысленна надежда той или иной гимнастки «повторить Латынину». А вот предельно развить собственную индивидуальность — это совсем другое дело.

На международной арене так ценят Латынину, Шахлина и Столбова не потому, что они «имена», а прежде всего потому, что они типичные представители советской гимнастической школы, и в рамках школы они остаются, так сказать, спортивно неповторимыми личностями».

Вот она, магия сравнений и похвал! Ведь знала, что преуменьшено. Сравнение с великой Улановой — мягко говоря, натяжка. А все-таки спасибо, неизвестный мне автор. Все же прибавилось сил. Пришло то особое, неповторимое чувство, когда знаешь твердо: все получится! Не может помешать успеху никто и ничто. Тогда в Тбилиси я победила. Что же греха таить: приятно вспомнить. И все-таки это не о победе — о магии сравнения с искусством.

...Вечером режиссер приглашает нас на банкет в честь окончания съемок. Ольга явилась в черном парике.

— Очень удобно. Совсем не возжусь с прической!

— Не помню что-то, Оля, когда ты с ней возилась...

Она смеется вовсю. Разговор не носит торжественно-приподнятого характера... Еще неизвестно, каким будет фильм, как примут его в Англии.

Меня очень интересуют впечатления художника, впервые столкнувшегося с нашей гимнастикой. Спрашиваю режиссера:

— Что вам бросилось в глаза в тренировках Ольги?

— Очень одаренная девушка. Бесспорно, талантливый человек. Правда, мне кажется, она склонна тренироваться по настроению. Может быть, виною наше присутствие? Но... Мы ведь снимали и других ваших гимнасток — Людмилу Турищеву, Тамару Лазакович, Эльвиру Саади. Мне представляется: они трудятся целеустремленные.

— Что ты скажешь, Оля?

— В такой день можно было бы и не прорабатывать меня.

— Что она говорит? — переспрашивает англичанин.

— Не любит критики.

— А что говорит ее тренер, господин Кныш?

— Господин Кныш считает, что вы удивительно точно повторили то, о чем он говорит своей ученице каждый день.

Теперь вопросы задает режиссер:

— Что вы думаете о будущем фильме, Ренальд Иванович?

— Мне кажется, у вас масса пленки ушло на всякие мелкие подробности, — говорит Ренальд Иванович. — Боюсь, что люди, не

знающие гимнастику, могут за этими подробностями не разглядеть гимнастику как таковую. Для меня же самое интересное то, что Ольга повторяла элементы и комбинации без усталы и почти без отказа. На тренировках я этого добиваюсь не всегда.

— А я не сомневаюсь, фильм будет хороший,— утверждает Оля.— Очень хороший! Мне хотелось помочь группе. Ведь им тоже приходится нелегко.— Но мне она сказала:— Зачем они прямо впадают во всякие мелочи? Как посмотрела, как ответила, как отвернулась.

— Ну, значит, таковы законы киноискусства, Оля...

И вот я читаю сообщение ТАСС из Лондона. Это поэзия движений, пишет лондонская газета «Таймс» о выступлениях советской гимнастки Ольги Корбут. Британская телекомпания «Гранада» показала в Англии часовой фильм «Ольга», снятый ею в сотрудничестве с советскими операторами.

Выступления Ольги и других советских спортсменов на Олимпиаде вызвали в Англии небывалый интерес. Люди все еще хотят знать, что же представляет собой эта маленькая девушка, пишет газета «Дейли мейл». На эти вопросы и решили ответить режиссер Д. Шеппард и его помощники, наблюдавшие Ольгу со своими камерами несколько месяцев,— в гимнастических залах, дома, в институте, на соревнованиях.

Авторы показали, какой огромный, порой изнурительный труд скрывается за легкостью и изяществом, которые показывает Ольга на гимнастических снарядах. Зрители увидели не только Ольгу, но и других наших спортсменов и тренеров, тех, кому обязана своей мировой славой советская гимнастика.

Но фильм, конечно же, имел успех потому, что он раскрывал не только труд, но и поэзию гимнастики. Так что же такое гимнастика: спорт или искусство? Часто думаю об этом и поэтому с особым интересом несколько лет тому назад обратила внимание на рубрику «Спорт как искусство», появившуюся в журнале «Театр». Разговор там шел о зрелищной красоте спорта, о возможностях создания спортивного театра.

Спортивный театр... Речь шла о том, нужен ли он спортсмену, нужен ли он зрителю, правомерно ли его появление у нас, каким он должен быть, если появится.

Известно, что на Западе рядом с профессиональным спортом существуют и многочисленные спортивные реву и цирки. Иногда просто невозможно сразу различить, где кончается одно и начинается другое. Сама по себе профессионализация спорта во многом патология. Стоит сказать об этом еще раз сейчас, когда профессиональные цирки ведут планомерную атаку на любительский спорт. Появление новых цирков — это диверсия прежде всего против олимпийского движения. Но спортивное реву

нельзя отбрасывать начисто, учитывая огромную пропагандистскую силу театрального зрелища и возможность использования в нем мастерства ветеранов после того, как они закончат свой спортивный путь. Талант есть талант. Спортсмен не связан в ревю рамками жестокой борьбы. Он уже не бьет рекорды, не разучивает новые приемы, чтобы одолеть соперника. Он оттачивает и шлифует свое мастерство. Отсюда и высокий артистизм, филигранность, привлекающие зрителей.

Напомню о гастролировавшей у нас труппе «Гарлем Глобтроттерс». Баскетболисты-актеры показывали в Московском Дворце спорта, разумеется, спектакль, а не настоящий матч двух команд. Все это понимали. Никого не волновало, кто победит. Зрители на трибунах восхищались умением игроков, красотой баскетбольного действия. Привлекательность спорта без подлинной борьбы? На первый взгляд алогизм, а на деле это оказывается правомерным. «Гарлем Глобтроттерс» не участвует в розыгрыше призов американских профессиональных лиг. Насколько я могу судить по тем баскетбольным матчам, которые мне довелось смотреть в нью-йоркском Мэдисон Сквер Гардене, у волшебников из Гарлема мало шансов на победу, если бы они задумали сразиться с профессионалами. У них разный баскетбол.

Еще одна встреча с этим баскетбольным цирком в шестьдесят пятом в Мехико особенно запомнилась мне. Перед началом баскетбольного представления выступали артисты цирка, а затем — затем... На арене появилась чемпионка мира 1962 года в упражнениях на бревне Ева Босакова. Комбинация, которую она показала, конечно, не дала бы ей возможности отстоять свой титул, но чистота, легкость исполнения были заслуженно вознаграждены аплодисментами зрителей.

А разве не аплодируют нам не на соревнованиях, а на показательных выступлениях? Мы показываем то, что мы умеем делать, и тысячи зрителей восхищаются мастерством советских гимнастов. Так спортсмен может продолжить контакт со зрителем и после последнего своего чемпионата. Разве этот чемпионат всегда означает ту точку отсчета, после которой начинается деградация мастерства? Ведь бывает и так, что знаменитый атлет с годами не убавил, а прибавил. Но... молодые соперники прибавили больше и быстрее. Им легче. Удивительного ничего нет: совершенствуется методика, изучается опыт предшественника. И вот молодой соперник на вершине, а экс-чемпион начинает спуск вниз по лестнице, что когда-то вела вверх. Спускаться со ступеньки на ступеньку по этой дорожке ох как не весело да и обидно, если имеешь результаты не хуже тех, что когда-то принесли тебе славу, мировую известность!

Теперь вспомним о нашем зрителе, о болельщике. Тот привлек к своему любимцу, ценит его и в часы побед и поражений. Его привлекает именно эта спортивная индивидуальность. Невеселое расставание. Человек уходит, полный сил и умения, а люди, которые его провожают, совсем не хотели бы прощаться с ним. Спортсмен, когда он выступал, во многом был тождествен большому артисту. Не будем соизмерять популярность, согласимся — это так. Но затем судьбы их различны, и различие это не в пользу спорта. Творческая биография спортсмена оказалась намного короче. Его возможности использованы не до конца.

Какие еще страны могут конкурировать с нашей по числу подлинных, самобытных спортивных звезд? Смело отвечу: нет таких. А сколько наших спортсменов расстались со зрителями раньше времени? Разве не смогли бы они еще много лет радовать людей своим искусством? А вместо этого умение, мастерство, талант попадали под спуд, мудрость чемпиона превращалась в вериги спортсмена-отшельника.

Забота о продлении спортивной жизни ветеранов — это забота и о будущем спорта. Сколько мальчишек и девчонок пришли бы в разные секции и команды, посмотрев знаменитых спортсменов на сцене? Сколько молодых атлетов увидели бы то сокровенное в исполнительском мастерстве, что не опишешь в учебниках, не уловишь на экране!

Признав за спортом возможность влиять на эстетическое воспитание людей, попробуем поставить еще несколько вопросов.

Не лежит ли спорт с его зрелищностью, неповторимой остротой и динамичностью борьбы характеров с калейдоскопом коллизий и конфликтов в той же сфере, что и искусство?

Несомненно, во многом это так. И спорт, как и искусство, многогранен и образен по-своему. Спортсмен во многих состязаниях заставляет переживать не только соперников, но и зрителей. Разве то, что древние греки называли «катарсисом» (очищением), меньше касается тысяч зрителей на трибунах залов и стадионов, чем сотен в партере театра?

Сегодня спортсмены заставляют коллективно сопереживать и многое осмысливать гигантские аудитории. Выступление больших атлетов стимулирует творческое воображение людей, рождает эстетические идеалы и образы, великолепные ассоциации. Не всякое зрелище — искусство, не всякая игра — искусство, скажут мне. Да, не всякая. Однако разве спорт не заставляет атлетов сливать жизнь и игру воедино? Разве спортсмен не играет предельно искренне? Упрекнешь ли его в заученности, шаблоне? Скажут: играет — да, но себя самого. Этак мож-

но и к формуле Шекспира прийти: мир — театр, люди — актеры. Спорт — область самовыражения человека, и в этом также его общность с искусством.

Каким должен быть наш спортивный театр? Конечно, у меня нет готовых рецептов. Что-то в нем должно быть от уже существующих трупп балета на льду — богатство красок, жизнелюбие, смелость — все, что роднит его со спортом, надо использовать. Однако заданность трюка, явное подчинение ему всего остального, отсутствие импровизации во многих номерах меня настораживают. Может быть, это реакция после встреч с цирками профессионального спорта? Не исключено. Но хотелось бы большей гармонии между текстом и подтекстом. Так или не так? Это скажут опытные, вдумчивые режиссеры, которые — я верю — будут трудиться вместе с талантливыми спортсменами. Спортивный театр нужен у нас и спортсменам и зрителям. Значит, он будет существовать не сегодня, так завтра...

А превращение гимнастики, и не только гимнастики, в искусство происходит и без покровительства Мельпомены. В этом я еще раз смогла убедиться во время показательного турне, которое совершили советские гимнастки после их триумфального выступления на Мюнхенской Олимпиаде в США, Англию, Бразилию и ФРГ.

Показательные выступления советских гимнасток в США в марте семьдесят третьего года стали примечательным моментом в большой программе культурного сотрудничества между двумя странами.

Газета «Крисчен сайенс монитор» утверждала:

«...Турне гимнасток... отражает тенденцию к расширению советско-американских отношений в свете визита президента Никсона в Москву». И писала, что гимнастки «могут многое сделать для создания у нас представления о Советском Союзе». А «Нью-Йорк таймс», отмечая окончание турне, писала о том, что русская гимнастическая команда растопила остатки враждебности времен «холодной войны».

Характерны оценки, которые дали советским гимнасткам американские руководители разных рангов. В Чикаго, столице Среднего Запада, мы получили телеграмму от мэра города Ричарда Дэйли, в которой говорилось: «...Самая многочисленная аудитория, когда-либо собиравшаяся в нашем городе, а возможно, и во всех Соединенных Штатах, чтобы посмотреть гимнастическую программу, с восторгом приветствовала и восхищалась великолепным представлением, показанным командой советских гимнасток... Эти прекрасные девушки внесли большой вклад в дело углубления дружбы и понимания между вашей страной и населением Америки...»

Советская делегация была принята в Белом доме президентом США Ричардом Никсоном. Он назвал наших девушек достойными спортивными послами нашей страны, советской молодежи.

...Поездка по восьми городам США в течение двадцати дней, разумеется, была делом нелегким, но она прошла триумфально потому, что гимнастки понимали значимость своей миссии.

— Мы знали, что тысячи американцев приходили посмотреть на нас, и мы должны были забывать об усталости, улыбаться, когда было очень трудно и когда, казалось, не было сил,— рассказывала позже Люда Турищева...— Мы поняли,— говорит она, оценивая восторженный прием,— что дело тут не только в нас, спортсменах. Дело в стремлении простых американцев к упрочению контактов с нашей великой страной, с нашим многомиллионным народом.

Американцы восторженно принимали наших гимнасток. Горячие аплодисменты, букеты, сотни писем, телеграмм, приглашений. И восхищенные отзывы.

«Советская команда,— писала газета «Буффало курир-экс-пресс»,— продемонстрировала в прыжках, в упражнениях на бревне, на разновысоких брусьях и в вольных упражнениях такое мастерство, которое вызывало восторженные аплодисменты на протяжении всего двухчасового сеанса...»

Ну, а успех Оли Корбут был просто невиданным. Уже после поездки Ренальд Иванович Кныш сказал, что он объясняет этот успех вовсе не тем, что Ольга выступала лучше своих подруг, просто Америке как воздух нужна чистота чувств и чистота спорта, и такое лекарство она нашла в маленькой, открытой, непосредственной в проявлении своих чувств девушке из Гродно.

Американские журналисты называли искусство белорусской гимнастики магическим. «Ольга привлекательная становится Ольгой напряженной. Она танцует в свете прожекторов и электризует все вокруг. Ольга Корбут, обладательница трех золотых олимпийских медалей и любимица поклонников гимнастики всего мира,— на сцене...» Это выдержка из отчета в «Крисчен сайенс монитор». А вот что писала газета «Нью-Йорк пост»: «...Это Ольга, выступавшая на бревне, заставила зрителей бешено аплодировать, повторяя неповторимые Ольгины фляки три раза. Это Ольга, как вихрь, вертелась на разновысоких брусьях, поражая всех своей ловкостью. Это Ольга в своих вольных упражнениях показала комбинацию гимнастики и танца, невинности и искренности, юмора и грации...»

Заметьте, все эти оценки прессы очень похожи на театральные рецензии. Так, например, о Люде Турищевой писали как о балерине с налетом печали. «Людмила не улыбнулась во время

трех своих первых выходов на помост. Тем неожиданнее была улыбка во время вольных упражнений. Ее глаза облучали зал, когда она танцевала на ковре, а ее улыбка завладела зрителями. От ее выступления захватывало дыхание. «Да она красавица!» — воскликнул кто-то из сидевших во втором ряду («Буффало курир-экспресс»).

Можно было бы привести немало восторженных откликов, относящихся к Тамаре Лазакович, Тоне Кошель, Любе Богдановой, Русико Сихарулидзе, и все они еще и еще раз доказывают, что показательные выступления наших гимнасток американцы восприняли как образец высокого искусства. И вот что примечательно: американские рецензенты утверждали, что турне наших гимнасток дало американской гимнастике мощный импульс, что гимнастика в Соединенных Штатах теперь пойдет в гору и гимнастические школы, год назад буквально умиравшие, теперь не смогут принять всех желающих.

Специалисты, несомненно, были правы, когда писали, что Ольга Корбут и пять других грациозных девушек из России возвели гимнастику в высокий ранг, когда в Филадельфии вечером в понедельник в зале «Спектрум» они завладели сердцами более чем 16 тысяч зрителей, пришедших посмотреть на показательные выступления. И с такой же оценкой наших выступлений мы столкнулись вскоре в Англии, где кинофильм об Ольге и других девочках оказался нашим десантом. Семьдесят пять тысяч человек раскупили все билеты на пять «концертов» советской гимнастики в лондонском зале «Эрлс корт», и миллионы англичан, шотландцев, ирландцев уселись у телевизоров.

Корреспонденты в лондонском аэропорту быстро нашли нас среди 180 пассажиров советского авиалайнера и тут же пошли в атаку на Ольгу Корбут. Впрочем, атака началась еще в Москве, когда корреспонденты «Дейли миррор» взяли у Оли Корбут и Люды Турищевой интервью. Теперь, размахивая многостраничной газетой, журналисты просили:

— Еще такую же улыбку!..

Все ли «звезды» обязательно должны переболеть звездной болезнью? Двадцать лет, которые я знаю сборную, позволяют мне сказать — нет. Но в тот момент, в лондонском аэропорту, я поняла, что гимнасткам требуется все же больший иммунитет. Вот почему, увидев, что Ольга расточает улыбки и взмахивает ручкой, как опытная кинодива, я сказала ей: «Ты лучше помоги мне представить девочек. Начнем по старшинству с Люды».

Почти год Оля учит английский язык, но прогрессирует значительно медленнее, чем в гимнастике. Кто-то из девочек спрашивает ее невинным голоском: «Олечка, ты про меня не забы-

ла?» И это тоже. лечебные капельки для укрепления иммунитета...

Живу я в одном номере с Людой Турищевой. Настроение у нее отличное.

— Хорошо, когда можно выступить вот так — для людей, для себя, — сказала она мне.

Да, видимо, очень важно ощутить гимнастику не только как спорт, но и как искусство, почувствовать, что ты можешь дать радость людям.

Казалось бы, что Англия больше разбирается в футболе, чем в гимнастике, и мы имели возможность в этом убедиться, оказавшись вместе со ста тысячами болельщиков на знаменитом «Уэмбли», где в финале кубка Англии встретились «Лидс юнайтед» и «Сандерленд». Вот это был разгул страстей! Неужели же болельщиков может привлечь наша нежная гимнастика? А может быть, одним из достоинств нашего спортивного искусства и является то, что мы передаем людям эмоциональный заряд?

...В Англии журналисты достаточно тактично сопрягали нашу гимнастику с футболом. Известный спортивный обозреватель «Дейли миррор» Фрэнк Тейлор, в те дни избранный президентом Международной ассоциации спортивной прессы, сказал:

— У нас стало на несколько королей больше. Правда, это прибавило нам хлопот, но они, право, очень приятны. («Дейли миррор» явилась одним из организаторов нашего выступления. — Л. Л.). Могу сказать, что разве только в 1966 году так трудно было приобрести билеты на финальные матчи первенства мира по футболу, как сегодня на выступления советских гимнасток.

Огромные рекламные щиты бросались в глаза во всех районах города: «Ольга в Лондоне». На газетных страницах наши гимнастки изображались феями, подарившими Лондону солнце. Это все на Западе называется хорошей прессой. Но я помню о том, что комментаторы могут изменить позицию или попросту забыть о своем вчерашнем кумире и все издержки славы оплачивать придется спортсменам.

— Как вы относитесь к славе? — спросили Ольгу Корбут на пресс-конференции в Лондоне.

Она ответила достойно:

— Человек привыкает ко всему, в том числе и к славе.

Да, надо не замечать рекламной мишуры, не ждать превосходных эпитетов в газетах. Как хорошо, что Оля Корбут об этом помнит!

И вот еще одна встреча с Олей: мы в гостях у режиссера Шеппарда, мы смотрим кинофильм о наших гимнастках. Да, несомненно, художнику удалось показать, что такое труд и вдохно-

ение в спорте и, конечно, хорошо, что фильм показывает первым планом то, что часто остается на втором. А я, когда смогла ленту, все время слышала тонкий голосок Ольги: «Зачем они прямо вливаются во всякие мелочи. Как посмотрела, как ответила, как отвернулась...» И вспоминается удивительная настойчивость Ренальда Ивановича, без которого этот фильм никогда бы не увидел света рамп.

Рецензируя фильм, журнал «Спортс уорлд» отмечал, что Ольга, несомненно, настойчивый и упрямый человек и ведет борьбу «не только за совершенствование своего гимнастического искусства, но и со своим магическим тренером Кнышем». Что ж, это борьба, где нет побежденного, а выигрывает гимнастика и тот мир прекрасного, в котором спортсмен живет в зените своей славы. Это мир радости, наслаждения, причем не только для зрителей, но и для самой гимнастики, которая чувствует, что все у нее четко, правильно, слаженно и что тысячи часов тренировок потрачены не зря...

Рецензенты фильма отмечали способность Ольги гореть и светиться на помосте, а мы думали уже о помосте «Эрлс корта», где за три дня должны были провести пять выступлений и оправдать ожидания англичан.

Думаю, что оценку нашему гимнастическому представлению в Лондоне достаточно полно дало ТАСС. Десятого мая корреспондент агентства сообщал:

«Памятное и выдающееся событие». Триумфом началось выступление советских гимнастов в Лондоне. «Наша мечта сбылась» — такими словами ведущий программу вечера представил советских спортсменов пятнадцати тысячам зрителей, заполнивших до отказа трибуны «Эрлс корта», крупнейшего в столице Англии выставочного зала.

Показательные выступления проходили под бурные аплодисменты зала. Обычно сдержанные в выражении своих чувств англичане на этот раз дали волю эмоциям. Их покорили грация и ловкость, сила и искусство советских спортсменов. Мастера гимнастики Людмила Турищева, Ольга Корбут, Любовь Бурда, Эльвира Саади, Антонина Кошель, Любовь Богданова, Татьяна Щеголькова, Александр Малеев, Вячеслав Бойко и Георгий Богданов, прыгуны на батуте Александр Волынкин и Геннадий Чернов, акробаты Владимир Назаров и Владимир Алиманов — вот кто выступал в «Эрлс корте».

«Выдающаяся репутация, которую завоевали советские гимнасты, соответствует великим достижениям советской культуры», — сказал в эти дни президент английской гимнастической ассоциации Франклин Эдмондс.

Со страниц английских газет не сходили фотографии наших спортсменов и особенно Корбут.

Но и выступлениями в Лондоне не закончилось показательное турне советских гимнастов. После Англии наш «летучий отряд» разделился. Люда Турищева и Люба Бурда отправились вместе с Николаем Андриановым и Виктором Клименко в Бразилию, где они выступили в Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Белу-Оризонти и Бразилиа и смогли убедиться, что бразильцы в спорте живут не «футболом единым». А в это время вторая группа гимнастов уехала в Федеративную Республику Германии, где им предстояло участвовать в днях культуры Советского Союза в Дортмунде.

Дортмунд! Там, в Вестфаленхалле, семь лет назад я в последний раз участвовала в первенстве мира. Теперь я могла представить любителям гимнастики новое поколение советских спортсменов. И какая разительная перемена в атмосфере! Благожелательность и радушие. Многометровые приветствия на русском языке в самых больших витринах. Толпы народа на нашей выставке, посвященной космосу. Километровая очередь за автографами к космонавту Валерию Быковскому.

Перед нами в Дортмунде гастролировал Большой театр, в те же дни, что и мы, в городе выступал Театр кукол под руководством народного артиста СССР Сергея Владимировича Образцова, хор имени Пятницкого. И наши гимнастки на этот раз выступали в роли артисток, но озаренные триумфом, достигнутым на Олимпийских играх.

Накануне нашей премьеры газеты писали: «Не кажется ли вам, читатели, что к нам вернулась Мюнхенская Олимпиада? Ведь Ольга снова у нас в гостях. Мы надеемся, что любимица ФРГ снова порадует нас».

В Дортмунде мы отметили восемнадцатилетие Ольги Корбут. Звенела гитара, полно было песен, шуток, смеха. И звонче всех пела сама Ольга.

«Советские спортсмены дают ослепительные представления», — отмечала газета «Альтена-крайсблатт» после нашего гимнастического концерта в городе Альтена. Тепло встретили нас зрители Уны, Арнсберга, Бохума. Перед главным представлением в Вестфаленхалле Ольга и я оказались гостями телевидения ФРГ.

— Вы устали после поездок за океан и в Лондон? Не отразится ли эта усталость на выступлении в Дортмунде? — спросили Ольгу Корбут.

— Да, — ответила она, — я немного устала, но долг спортсмена — выступать и приносить людям радость.

Я сказала, что все наши гимнастки постараются продемонстрировать высокий класс. Каждая из них хороша по-своему.

...Десятитысячный зал был переполнен и восхищенно принимал и Ольгу Корбут, и Элю Саади, и Раю Бичукину, и Таню Щеголькову, и Любу Богданову.

Мне думается, что каждая из гимнасток действительно впечатляла «лица не общим выражением». Пластика Эли Саади, танцевальные па Раи Бичукиной, атакующая манера Любы Богдановой, строгая отточенность и вместе с тем лиричность стиля Тани Щегольковой, смелость и грациозность Оли Корбут составили прекрасную многоцветную картину.

«Такого выступления, которое вы подарили нам, не увидишь даже на Олимпийских играх. И это мало увидеть, это надо пережить, осмыслить, понять и запомнить. Воспоминаний о ярком мастерстве представителей советского спорта хватит нам надолго... От сегодняшней встречи у нас останутся самые светлые чувства и мысли», — так сказал обер-бургомистр Дортмунда Гюнтер Зантлеб.

«...Русские стали нам ближе и понятнее», — писали газеты. Эти слова звучали на разных языках в США, Англии, Бразилии, ФРГ. Радостно сознавать, что гимнастическое искусство нужно людям и помогает их взаимопониманию и дружбе.

ПОСЛЕСЛОВИЕ? НЕТ, ПРЕДИСЛОВИЕ

В последних числах мая 1974 года я летела из Москвы в Ростов-на-Дону с мыслью о том, что всего несколько часов отделяют меня от многокрасочного праздника гимнастики — первенства страны. И как только я вошла во Дворец спорта, сразу же почувствовала тот подъем, который всегда ощущала на больших гимнастических форумах. Дворец был переполнен зрителями, доброжелательными и взыскательными, а это в спорте обещает многое.

Да только ли в спорте?

Знаменитая греческая актриса Аспасия Папатанасиу писала о том, как она играла в спектакле «Медея» на стадионе. Актриса вспоминает, как двенадцать тысяч зрителей поднялись со своих мест в кульминационный момент трагедии, и голоса их слились с голосами хора. В неповторимой силе единства зрителя и актера видела Аспасия залог жизненности, вечной молодости древнего искусства театра. И я еще раз подумала, что в спорте, в наших выступлениях на стадионах и в залах эффект сопереживания тоже исключительно велик. Какими бы многомиллионными ни были телетрибуны, спортсменам дорого чудо непосредственного контакта с теми ценителями, что здесь, рядом. Но для меня приезд в Ростов был не только контакт со спортом сегодняшнего дня, но и дня вчерашнего. Пять лет назад здесь, в Ростове-на-Дону, на чемпионате страны выступала одна юная гимнастка: Оля Корбут. Тогда она была допущена к соревнованиям в порядке исключения. В этом году исключение впервые преобразовано в правило, и нынешнее первенство стало дебютом для многих пятнадцатилетних.

Гимнастикой в нашей стране занимаются сотни тысяч. Резервы у нас действительно неисчерпаемы, но уповать на многоцветье талантов, скрестив руки на груди, мы не имеем права. И вот рядом с Олей Корбут, одной из прославленных гимнасток мира, встала в Ростове новая наша надежда: ростовская школьница — Светлана Гроздова.

Ее тренер Руслан Лавров открыл гимнастический талант девочки несколько лет назад. Уже до своего первого чемпионата она записала в свой актив победу на международных соревнованиях, выиграла главный приз газеты «Москоу ньюс». После первых двух дней ростовского чемпионата пятнадцатилетняя Гроздова не входила в шестерку лучших, но ее уверенное выступление в последний день позволило ей занять четвертое, очень почетное место.

Но дело не в цифровых итогах. Меня радует то, что Светлана на глазах обретает свой гимнастический почерк, свой стиль. Поражает, например, ее упражнение в равновесии на бревне. Как ей удалось сказать свое слово в упражнении, где мы знаем таких исполнительниц, как Тамара Манина, Наташа Кучинская, Оля Корбут?

Два года прошли после XX Олимпийских игр... Когда команда побеждает, тренеры надеются надолго стабилизировать ее состав, хотя понимают, что логика спорта, логика жизни не позволят им осуществить свою мечту. И, радуясь успеху Светланы Гроздовой и других молодых гимнасток — Любы Богдановой, Людмилы Савиной, Галины Паршинцевой, мне хотелось выяснить, каковы же сегодня позиции наших олимпийских чемпионов.

В этом смысле большую радость доставила мне встреча с еще одной ростовчанкой, чье имя не раз упоминалось в этой книге, Людмилой Турищевой. Ее выступление в Ростове-на-Дону — городе, куда она недавно переехала, — порадовало всех прежних и новых ее земляков.

Перед чемпионатом Владислав Степанович Растороцкий говорил, что Люду и его очень волнуют две проблемы: избыток веса и недостаток времени. За два месяца Турищева похудела на пять килограммов. Сложнее было со временем. Ведь этой весной Люда участвовала в работе XVII съезда ВЛКСМ и, не успев отчитаться перед ростовской комсомольей, начала подготовку к государственным экзаменам в педагогическом институте.

— В двадцать четыре часа надо втиснуть минимум тридцать! — жаловался мне Растороцкий. — Но Люда благодаря своему исключительному трудолюбию сумела втиснуть.

В нашей спортивной педагогике нет-нет да и проскользнет такое противопоставление: «Да, конечно, талантливая девочка, но придется возиться с ней, а вот эта труженица — она все преодолееет». Похоже, что сакраментальная фраза «способная, но ленивая» прижилась. Между тем уже давно Бернард Шоу на вопрос «что важнее: талант или трудолюбие?» ответил тоже вопросом, который звучал примерно так: без какого колеса может

обойтись велосипед — переднего или заднего? И все же и в наше время находятся люди, считающие, что можно уехать далеко на одноколесном велосипеде. Дальний путь Турищевой и Ростоцкого проложен талантливым трудом, неустанным поиском. Программа, продемонстрированная Людой на чемпионате, — еще одно свидетельство тому.

Осенью прошлого года во время наших показательных выступлений Люда выполнила в Лондоне самый сложный прыжок «женскую Цукахару», в Ростове она еще более отточила его исполнение. Люда показала исключительно сложное и динамичное упражнение на брусьях. (Настолько динамичное, что некоторые журналисты запутались в подсчетах — на сколько же градусов «закрутилась» Турищева.) Много экспрессии и изящества было в ее вольных упражнениях, сопровождаемых музыкой африканских мелодий.

Гимнастка Люды Турищевой отвечает на вопрос, что же важнее: сложность упражнений, атлетические качества или артистизм исполнения? Истина в том, что подлинный успех обеспечивает лишь синтез и первого, и второго, и третьего.

Пропорции? Можно смело сказать, что у Турищевой, абсолютной чемпионки страны, континента, мира, Олимпийских игр, эти пропорции идеальны. Кажется, Тургенев впервые применил словосочетание — «надежный талант», оно очень подходит к Турищевой.

А новая встреча с Олей Корбут? Что она дала мне? Какие мысли вызвала?..

В Ростов не приехал ее тренер Ренальд Иванович Кныш. Оля уже твердо стоит на ногах — ему же необходимо время, чтобы растить смену чемпионам. Нужно время, чтобы придумывать для Оли новые элементы и соединения. (Потом тренеры и гимнасты будут удивляться, а Кныш тихо скажет: «Да, это же так... Простенькое. Правда, простенькое. Только неожиданное. Вот и все... Давно пробовали, но все времени не было доучить...»)

И вот Кныша нет на чемпионате, и я с тревогой спрашиваю Олю: «Ты на последних тренировках выполнила все требования Ренальда Ивановича?» А она отводит глаза и отречает: «Вы же знаете, Лариса Семеновна, сколько их!»

Да, требований много, и все равно их надо выполнять, что не всегда удается его ученикам.

Наука «властвовать собою» постигается не в один день. Этой зимой Ольга как-то сказала мне:

— Если бы у меня был другой характер, то не было бы гимнастки Корбут.

Сегодня есть большая гимнастка Корбут, и хочется верить в то, что мы увидим ее на помосте и завтра и послезавтра. Ведь ей всего 19 лет.

Эльвира Саади на три года старше Ольги Корбут, но как гимнастка она моложе. Мы окончательно поверили в ее возможности всего два года назад; в 1973 году она стала абсолютной чемпионкой страны. Увы, в Ростове Эльвира заняла только пятое место, слишком много перемен произошло в ее жизни за один год: она вышла замуж, переехала в Москву, завершила высшее образование. Видимо, этим объясняются не очень высокие оценки, полученные ею в прыжках и на брусках. Однако Саади по-прежнему пластична, грациозна и, главное, не утратила спортивного азарта, постоянной настроенности на борьбу, которые помогли ей прекрасно выступить на Олимпиаде в ФРГ. Нет, она еще не сказала своего последнего слова, так же как и Антонина Кошель, ровесница Ольги Корбут, а выступление в Ростове Нелли Ким, ученицы тренера Владимира Байдина, которой исполнилось всего семнадцать лет, ее третье место на чемпионате были для нас всех большой радостью. Нелли очень спортивна, в гимнастическом многоборье она практически не имеет слабых мест, ее выдержке могут позавидовать опытные мастера. Правда, мы не можем забывать о том, что путь в большой спорт никогда не бывает прямолинейным. Об этом еще раз говорит неудача в Ростове двух одаренных грузинских гимнасток — шестнадцатилетней Нины Дроновой и девятнадцатилетней Русудан Сихарулидзе. После недавней победы на международных соревнованиях в Англии газеты назвали Нину «Моцартом в гимнастике». Будем же считать, что лучший концерт Дроновой на помосте еще впереди, что Русико Сихарулидзе, которая в прошлом году уже сумела завоевать звание чемпионки страны в вольных упражнениях, еще не раз добьется успеха.

Как известно, на гимнастических турнирах в команде выступает только шесть гимнасток, и нам отобрать самую перспективную шестерку весьма трудно, слишком велик выбор, но я согласна и дальше встречаться с такого рода трудностями! Пусть у нас будет все больше девочек, вступающих в прекрасный мир движений...

Я писала эти строки, уже сдав в редакцию свою книгу, и мне казалось, что все, что я видела на помосте Ростовского Дворца спорта, является как бы послесловием к моему рассказу. Но нет, это не послесловие, а скорее предисловие к завтрашнему дню нашего любимого спорта, к встрече с новыми его героями, имен которых я сегодня еще не знаю, ведь вечное движение — закон жизни, закон гимнастики.

СОДЕРЖАНИЕ

Как зовут эту девочку?	3
Гимнастика и искусство *	29
Послесловие? Нет, предисловие *	42

* © Издательство «Правда». Библиотека «Огонек». 1974.

**Лариса Семеновна Латынина,
КАК ЗОВУТ ЭТУ ДЕВОЧКУ?**

Редактор — **А. В. СОФРОНОВ.**

Технический редактор **А. И. Евтушенко.**

Сдано в набор 8/VII 1974 г. А 00623. Подписано к печати 30/VIII 1974 г.
Формат 70×108¹/₃₂. Объем 2,10 условн. печ. л. 2,78 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 2203. Заказ № 2445. Цена 6 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

1974 ГОД

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- № 1. Юрий ГРИБОВ. **Теплые ключи.** Цена 8 коп.
- № 2. Лариса ВАСИЛЬЕВА. **Встреча.** Стихи. Цена 4 коп.
- № 3. Нгуи Ва Тхионго. **Венчание на кресте.** Рассказы. Перевод с английского. Цена 6 коп.
- № 4. Аркадий КУЛЕШОВ. **Записная книжка.** Стихи и поэма. Перевод с белорусского. Цена 4 коп.
- № 5. Геннадий ЗАФЕСОВ. **Наши на Кубе.** Цена 6 коп.
- № 6. Ия МЕСХИ. **Тепло ли вам, люди?** Очерки. Цена 6 коп.
- № 7. Ануар АЛИМЖАНОВ. **Трон Рудаки.** Цена 6 коп.
- № 8. Иван ПУЗАНОВ. **«Туман с моря подымается...».** Рассказы. Цена 6 коп.
- № 9. Муса МАГОМЕДОВ. **Повесть о поварихе Загидат, бригадире Зубаире да о старом пастухе Далгате.** Перевод с аварского. Цена 8 коп.
- № 10. Юрий ЗУБКОВ. **Что есть добро?** Цена 6 коп.
- № 11. Кайсын КУЛИЕВ. **Лирика.** Стихи. Перевод с балкарского. Цена 4 коп.
- № 12. Леонид ЛЕНЧ. **Рассказы из моей жизни.** Цена 6 коп.
- № 13. ЖАЛЕ. **Перелетные птицы.** Стихи. Перевод с персидского. Цена 4 коп.
- № 14. Шубхаш МУКЕРДЖИ. **Непокорные корни.** Стихи. Перевод с бенгальского. Цена 4 коп.
- № 15. Яков МАКАРЕНКО. **Хранитель тишины.** Цена 6 коп.
- № 16. Владимир ПАВЛОВ. **Я отвечаю за все...** Цена 6 коп.

- № 17. Владимир ЧИВИЛИХИН. **Шведские остановки.** Цена 8 коп.
- № 18. Валентин СОРОКИН. **Грустят березы.** Стихи. Цена 4 коп.
- № 19. Юстас ПАЛЕЦКИС. **На многих меридианах.** (Заметки парламентария). Цена 6 коп.
- № 20. Владимир БАРАБАШ. **Князь серебряный.** Цена 6 коп.
- № 21. Николай ЕЛИН. Владимир КАШАЕВ. **Фантастические способности.** (Юмористические рассказы). Цена 6 коп.
- № 22. Евгений ОСЕТРОВ. **Этюды о книгах.** Цена 6 коп.
- № 23. Всеволод МАЛАШЕНКО. **Театральные рассказы.** Цена 6 коп.
- № 24. Николай КРУЖКОВ. **Литературные этюды.** Цена 6 коп.
- № 25. Алексей ЛУКОВЕЦ. **Перуанские встречи.** Цена 6 коп.
- № 26. Владимир ТУРКИН. **Стихи.** Цена 4 коп.
- № 27. Лев ТОЛКУНОВ. **В низовьях Дона.** Из записок военного корреспондента. Цена 6 коп.
- № 28. Михаил ХОДАКОВ. **Слово о вежливости.** Цена 6 коп.
- № 29. Анатолий АЛЕКСИН. **Позавчера и послезавтра.** Цена 6 коп.
- № 30. Михаил АНДРИАСОВ. **Штурм ледяного вала.** Цена 6 коп.
- № 31. Ибрагим КЭБИРЛИ. **Сердце одно не радуется.** Стихи. Авторизованный перевод с азербайджанского. Цена 4 коп.
- № 32. Владимир КАТИН. **Встречи в пути.** Цена 6 коп.
- № 33. Алан ПЕЙТОН. **Самое большое несчастье в его жизни.** Рассказы. Перевод с английского. Цена 6 коп.
- № 34. Микола УПЕНИК. **Краснодонская тетрадь.** Стихи. Перевод с украинского. Цена 4 коп.

Путем небольших
регулярных взносов
вы можете накопить
в сберегательной кассе
необходимую сумму для
туристического путешествия,
поездки на курорт,
для приобретения ценных
вещей и на другие цели.

ЮНОШИ И ДЕВУШКИ!
ПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАСС!

● Для внесения вклада не обязательно лично являться в сберегательную кассу. Каждый трудящийся может подать в бухгалтерию своего предприятия, учреждения или колхоза заявление о ежемесячном перечислении определенной суммы из причитающейся ему заработной платы или других денежных доходов на счет по вкладу в сберкассу.

● Сберегательные кассы принимают вклады до востребования, срочные, выигрышные, условные и на текущие счета. По вкладам выплачивается доход в виде процентов или выигрышей.

● При желании вкладчик может внести дополнительный взнос на свою сберегательную книжку в любой сберегательной кассе; перевести вклад из одной сберегательной кассы в другую; выдать доверенность на получение вклада; завещать вклад любому лицу или организации. ВКЛАД МОЖНО ПОЛУЧИТЬ как в той сберегательной кассе, куда он был внесен, так и в ЦЕНТРАЛЬНОЙ СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ ДАННОГО ГОРОДА или РАЙОНА.

Тайна вкладов, их сохранность и выдача вкладчикам по первому требованию гарантируются государством.

*Российское республиканское
управление Гострудсберкас*